

СМЕНА

7

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б), ПРАВДА

МУДРЫЙ, ЛЮБИМЫЙ УЧИТЕЛЬ

Д о каждого из нас — рассказать о Горьком все, что он знает. Я имею счастье наблюдать, как рождался один из многочисленных замыслов Горького, как облекался он в плоть. Речь пойдет о сборнике, посвященном Большой коммуне.

Еще в 1929 году, вскоре после приезда из Италии, Алексей Максимович не раз говорил об этом удивительном коллективе. Заинтересовавшись коммуной, он часто бывал у ней, бывало вошел в ее жизнь. С участием рассказывал о вломившие несомарных шкифов, ставшим иждивенным организатором; о бандите, которая некогда подвизивалась в тайге своей жертв и деревьям и поджаривала им птиц, а теперь стала дисциплинированным разумным членом трудового содружества коммуниров.

— С давних пор думаю об этом, — говорил Алексей Максимович. — Никогда не верил Ламброзо и другим авторам теории о врожденной преступности. Труд — лучшее средство для нравственного человека. И вот убедительнейшее доказательство этого происходит у нас на глазах. Об этом надо писать, вам займется.

Но тема была так ответственна, что я, случайный его собеседник, не решился и думать о ней. Только после того как родились коллективные методы работы над книгой, инициатором которых был также Алексей Максимович, только после выхода в свет сборника «Беломорско-Балтийский канал» пришла мысль, что из этого материала следует братья целой писательской группой.

Алексей Максимович горячо соглашался: — Это будет хорошей школой для писателей и огромной помощью для перестроившихся. Хорошо, если бы наряду с писателями олимпийскими работали и молодые, пожалуй, даже преимущественно молодые...

Тут же еще раз ввязался он свои взгляды на коллективную работу.

— Я не считал коллективный метод единственно, но он один из важнейших, и едва ли не самый важный, как средство воспитания писателя. Молодые им помогут изучить материал, а знание материала — основное. Конечно, было бы хорошо и ко многим объясняет изучение жизни путем автобиографии, но проще заниматься в университете. В коллективе, под руководством опытных товарищей, молодой писатель успеет больше и скорее.

Весной 1934 года несколько молодых литераторов, группировавшихся вокруг издательства «Советский писатель», приступили к работе. Для того чтобы познакомить Алексея Максимовича с участвующими группами, мы дали ему по одной вещи каждого, частью в не опубликованных еще рукописях. Когда рукописи были возвращены, мы поразились, какое огромное количество труда уделаю Алексей Максимович каждому из нас. Рукописи были буквально исцарапаны заметками — свободных мест на полях не оставалось. На состоявшейся затем встрече Алексей Максимович исчерпывающе охарактеризовал работу каждого из нас.

Встреча закончилась дружеской беседой.

— Многие из вас пишут о стариках, о линиях, исковерканных жизнью людей, — сказала Алексей Максимович. — Это тоже нужно. Но раньше всего нужно писать о молодежи, о на-

стоящих явлениях нашей жизни. Кстати, почему никто из вас не интересуется международной тематикой?

Никогда не забыть, с какой горячностью говорил он о фазисах и угрозе войны. Юношеский пыл, неважная борьба были в его словах. И, говоря о нашей будущей книге, указывая на важность темы, он также подчеркивал ее международное значение.

Мы спросили, как он считал: справился ли? — Надо закончить, надо верить в себя, — ответил Алексей Максимович. — Не пытайте городскую неуверенность, стремление к совершенству — чертеном в свои сны.

Используя подробнейшие указания Алексея Максимовича, мы приступили к работе и через год примерно представили первую часть книги. Она содержала что-то около двадцати сорока листов, и мы считали ее законченной, вполне готовой к печати рукописью. Каково же нам было получить письмо Алексея Максимовича с подробнейшим разбором нашей рукописи, разбором, который нам на камне не оставал от возмездия нами постройкой.

И, главное, с первых же строк было ясно, что Алексей Максимович решительно во всем прав.

Особенно подчеркивал он, что живой показ жизни подменял мы абстрактными рассуждениями. Действительно, пытались осмыслить материал, мы неуверенно философствовали, и значение увлекались цитатами и т. д. В наибольшей мере сказало это на характеристике воспитателей-чекистов.

— Героизм должен быть виден из фактов, — указывал Алексей Максимович. — Художник работает своими методами. Помогите рассуждениям, луский убеждает логика жизни.

Место критикую нас, Алексей Максимович не уставал повторять:

— Плохие вы будете писатели, если испугаетесь трудностей. Я требую, чтобы вы окончили эту книгу. Верьте в себя!

И вот, после того как нам казалось, что дело уже сделано, мы проработали еще полтора года. Мы работали так долго потому, что и дальше Алексей Максимович не переставал и внимательно руководил нами. Ибо, начиная любезно

дело, он всегда доводил его до конца. Когда же, наконец, последний вариант книги был вручен ему и он отлетел нам письмом, — как вот наградили нас это письмо за все пережитые трудности!

«На мой взгляд книга о Большой коммуне очень удачна, — писал Алексей Максимович, — с чем искренно поздравляю Вас и всех, кто работал с Вами. Достоинство книги вижу в той выдумчивости, с которой изображены процессы индивидуального перестроивания Гуляева, Милова и др. Почти все удачно, т. е. убеждает своей правдой, рассказ о трудной и мудрой работе воспитателя Мылкова, «дядя Сергий», Митенья Погобиновского. В освещении этой работы — основной и высоко ценный смысл книги...»

Группу молодых литераторов я еще раз поздравляю с успешным завершением двухлетней сложной и трудной работы. Уверен, что молодые, работавшая с этим немалым интересным материалом, приобрели немалое литературно-техническое опыта, который благотворно отзовется на ее дальнейшей работе в области родной литературы. Есть в этой книге недостатки, оmissions, недоговоренности? Конечно, есть, так же как существуют на солнце пятна, а на земле огромное количество всяческих несовершенств. Отметить их — дело товарищеской критики, которая должна понять сложность, трудность и новизну темы, должна понять глубинный социально-революционный смысл «поэтического» гуманизма. Моё дело — указать, что написано самым значительным большинством нашей книги...»

История, в сущности, на этом заканчивается. Книга скоро выйдет. Но запомнится еще такой факт. Мы жаловались, что многие герои нашей книги с изолотой отгадываются в прошлое.

Алексей Максимович усмехнулся.

— Почему, это дело исправимо. Вы сумеете только доказать нам, что дело вовсе не в том, как герои они были, но какой величайший путь прошли!

И как это характерно для его глубочайшего понимания людей! У молодых писателей нашей нет недостатка в опущках. Но кажется, что интерес этих опущков у молодому писателю кончается с последней страницей рукописи. Своем письме похвалил Алексей Максимович. Он расспрашивал каждого из нас отдельно не только о литературных замыслах; он расспрашивал, можно ли дома работать, женат ли, способна ли жена помочь работу мужа, какие книги любимейшие, в какие часы лучше всего работается, как здоровье, и т. д.

— Вы поймете, — говорил он строго, — это же важная вещь. Писатель раньше всего должен быть полноценным человеком.

Он расспрашивал не из праведного любопытства, но для того, чтобы помочь, и сколько из нас помнит его помощь! Он расспрашивал о вещах, глубоко личных, но так тактично и любовно, что ему отвечали как самому близкому другу, и лишь много времени спустя собеседник вспоминал, что говорил с Горьким, величайшим писателем современности...

К. ГОРБУНОВ

БЕССМЕРТИЕ

О, эта смерть! Она

Пришла не в своей черед.
С безоблачных небес

Спустилась черной птицей,

Зачем в счастливый год

Оният скорбят народ.

И даже солнца лик

Готов с тоски затмиться?

Не верте в эту смерть

И в медных труб надрыв.

Ни сердцу, ни тоске

И ничему не верте!

Певец не умирал.

Он будет вечно жив.

В сердаца народ он

Завоевал бессмертье...

НИКОЛАЙ ЖИГУЛЬСКИЙ

Канал Москва — Волга.

1 Выдержки из письма А. М. Горького печатаются впервые.

Смена

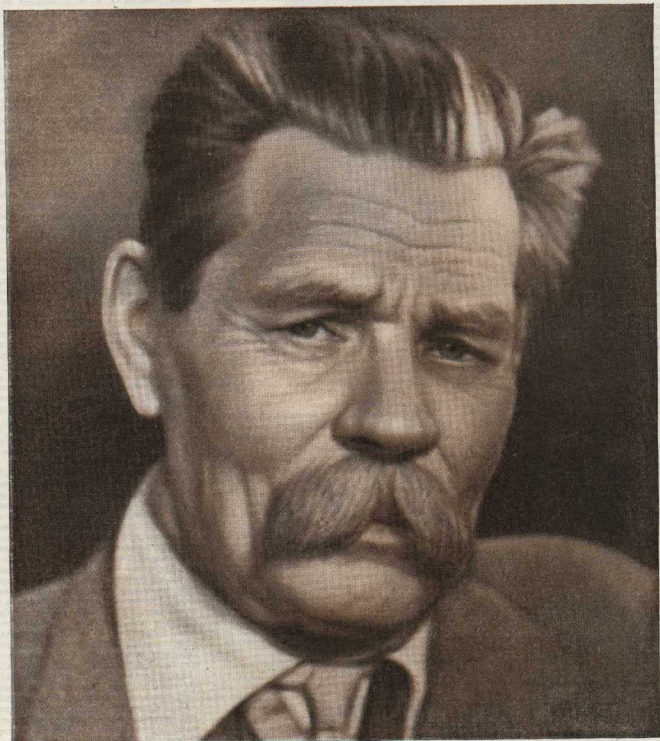
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Орган
ЦК и МК ВЛКСМ
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва, улица „Правды“, 24. тел. Д 3-34-24

№ 7
ИЮЛЬ 1936 г.
Год издания тринадцатый

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Алексей Максимович Горький (1868–1936)

БАБЫ

Рассказ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Теплым летним вечером мы — я и старый приятель мой — сидели под соснами на песчаном обрыве; под обрывом — небольшой луг, ярко-зеленый после дождя; на воюющей луга бромнел и издаваемо течет росная вода из ледяной реки, за рекой — темные деревья, с правой стороны от нас, над сугробом облаков, багровые вечерние солнце светит косые лучи на реку, луг, на золотой песок обрыва.

Собеседник мой закурив, глядя за реку, и начал рассказывать, не торопясь, выдыхая: — Было это года два тому назад, в одном из маленьких городов верховья Камы. Я сидел в уездном комитете партии, беседуя «по душам» с предом и секретарем.

Было воскресенье, время — за полдень, на улице жарко, точно в бане, и — тишина. За крышами домов — горы, покатая шубой леса, отсюда в открытые окна течет запах смолы и горький дымок: должно быть, где-то близко угля лугу.

Беседуем мы и тут внезапно немолком скучать. Вдруг с удивлением, в открытое око, поднимается от горячей земли большое, распаренное докрасна бабье лицо, на нем несласко и насмешливо блистает голубовато-серые, заплывшие потом глаза, таявшая, тухлой гоним гдуг:

«Здорово живете! Чай да сахар.»

«Опять черт приснес,—проворчал пред, почесывая подмышки, а женщина исполнила команду глумя угрозы.»

«Ну, что, товарищ Семенов, обманули ли меня? Думаю: потюкну с ней по-ушному, она и будет сыта! А я вот опять штыдельсет верст оттолкала, ну-ка! Приехали тосты!»

Лицо ее исчезло из окна. Я спросил, кто это. Пред махнул рукой, сказал:

«Так, шалава баба.»

А секретарь несколько смущенно объяснил:

«Числится кандидатка в партию.»

«Шалава баба» протиснулася в дверь с непокорным трудом. Была она, скромно говоря, несильно громадна для женщины, весом плуло на шесть, если не больше, килограмм, широконобая, ростом — вершок десяти сверх двух ушей. Поставив в угол толстую скамью, она двинужением могучего плеча сбросила со спинки котомку, бережно положила ее в угол, выпрямилась и, шумно вздохнула, подошла к нам, стирая пот с лица рукавом кофты.

«—Еще здравствуйте! Гражданин аман товарищ?» — спросила она меня, садясь на стул. Стул заскрипел под нее. Узнав, что я — товарищ, спросила еще: «— Не из Москвы ли будете?» И когда я ответил утвердительно, она, не обращая больше внимания на свое тщательство, вытщила из огромной пазухи кусок кожи солдатовского ранца величайшей с рукавицу, хлопнула им по щекам, однако не выпуская из рук, и, наваливаясь на меня плечом, деловито, капиторство заговорила:

«— Ну-ко, вот разбери дела-то наши! Вот, гляди: копия бумаги из губернаторско-ва-ва-ва! Это — ему принадлежало, — получила она гололом из преда.— А это вот он писал тогда. Знаешь, есть у меня право говорить?»

Минут десять она непрерывно пользовалась этим правом, рассказывая о кооператорах, которые «парочно не умеют торговать», о товариществе по совместной обработке земли, которому кулаки мешают реорганизоваться в колхоз, о танкостенной и не расследованной поломке сепараторов, о мужьях, которые бьют жен, о противоборьстве жизни предельсосовета и попозыв-учительничью организации ясель, о бегстве селькоро-комсомола, которого хотели убить, о целом ряде маленьких бытовых неурядиц и драм, которые возникают во всех случаях удачи нашей страны на почве борьбы за новый быт, колхозный мир.

Рассказывая, собеседник мой постепенно унылелась и живо корисовала фигуру пред, ее жесты отметили ее бережное отношение к носовому платку: она раза два вынимала платок из кармана юбки, чтобы отереть пот с лица, но, спрятав платок, отирала пот рукавом кофты.

«— Потом от нас везо, как от аномалии,—сказал он.— Секретарь мамия ей ставил чашку.»

«Ией, Аирифе!»

Но она, жадно лабузую железного киятну, забыла взять сахар, а зная куко, начала стучать им по столу в такт своей возмущенной речи, а затем, сунув сахар в карман, вышла еще кусок и спохватывалась:

«Ой, что я делала!— Но и другой кусок тоже машинально спрятала в карман, а оставший чай выпила ядом, точно извас.— Ну-ка еще, товарищ Яков!»

Собеседник мой, торопливо покуривая, продолжал:

«— Она высматривала на голову мое стельно втих драм и неурядиц бытовых, что я даже перестал помышлять «сезды событий» в доме этом. Чужество только, что инстинктивная Аирифе — существо совершенно необыкновенное, новое для меня, что мне нужно узнать и понять, каким путем она «дошла до жизни такой». Короче то-

воря, притягивала я ее к себе, — я остановил ее у порога, стелю притянула меня. Притянула и за чем подробнейше, до поздней вечера, пытал ее расспросить. Передать подробности ее рассказа я, разумеется, не могу, но кое-что в памяти осталось еще не почти буквально. Откуда мне была портротно-очиния, когда по дурному, полудубки и туману шла. Мать умерла, когда Аирифе исполнилось десять лет. Отец дозволил ей кончить церковно-приходскую школу, потом отдал в «январь» зажиточному крестьянину, а год через три увез ее в село на Каму, где он женился на вдове с двумя детьми. В этих условиях Аирифе, конечно, снова стала «инициальной» дочерью мещан, багровою же, а матеря она звалась «бабкой пивной, разгулявой»; да и место ее отставало от нее — Аирифе и выпиты и поправдовано. Частенно гонимала: «Горюписея некуда, — за всех мужиков туман не сошнеше.»

Аирифе минуло шестнадцать лет, когда отец помер, зарався сибирской язвой, и по смерти отца хозяйство махачи еще тяжелее легло на ее плечи.

«Была у нас шабер, старичок Николай Ушаков, олозой промышляла, а раньше штейгером работала. Его породой придало в шахте, дромом он, и считал его не в поломом ритм: угрюмой тупой, на слова сичь, гадла на людей несласко. Яма, он обомлем, тум, я ему мой раз посторо, пошню, так он стал со мной поиче.»

«Зри,—говорит,—дева, силу тратить на протоместо, на живую твою. Да чужой сям люди аномали, извалявай ей богате. На все худое людям от богачей пример, от них весь мир худому учится.»

Очень поправилась мне эти его слова-мысли, вижу, что верно сказала: сало — боготво, а млади — жесткие, жадные и все в складке живут. Справилню Николау-то:

«— А что мне делать?»

«— Иди,—говорит,—мука себе. Ты денщи здоровая, работница хорошая, тебтя в богатыи дом возмуть.»

Ну, я и в ту пору не совсем дура была, и глуж, старичок сам же труд гонит, откуда-то, а о первом-то его слова скрыла в душе ас-таки.

Эту часть своей жизни она рассказывала не очень охотно, с небрежной усмешкой в глазах и колдованью, точно не о себе говорила, а о старом друге, которого она давно не видала. А затем как-то вдруг подобралась к себе, постучала кулаком по колену, и глаза ее присухорели, как бы гадла глубоко вдумав.

И вот пришла и матов брати митросоволакскал прохолод, мужик лет сорока — лютый человек! Сестру свою прибрал в руки, выселел ее с детьми в башню, избил аново перебрал, протромил и ней явучи и малал торговать. И торговать, и покупает, и деньги в дог дает, трех коров завел, овец, а землю боготому кулаку Аномому в аренду дал. Я у него и стряпня, и правды, и коровница — там, я приди, и во все дни торговать. Рутся мои женщины, трещат косточки. Ох, трудно мне было! Видите, товарищ, какая куравала, а до обмороков доводила.»

Она замедленно гнетем тумам, гудимым смелом, — странной, не женственной сичь. И потом, вытерев лицо и рот платочком, выдохнула глаубою:

«А еще труднее стало, когда он невзначай напал на меня да и обомбил. Хотя и подражал, а с ним, а не сласидла — не здорово была в ту пору, женским недорозьем. Очень обидно было. Я компания вела с парнем одним, с Нестеровым, хорошище человек, добротные люди, типичные, двое братьев, Иван и Егор. Иван не ласково, Егор, дядя парня, — вдовий, он потом партизаном, и беляны повесил его. Парня-то убийла в первый год императрической войны

Захлебнула за шее вожжами, ба и поволок, чуть не убила...

отца его кулаки разорвали, тоже провала куда-то. Из всей семьи только Азиза осталась, теперь она подруга моя, партийной стала четвертый год. Она в 16-м году, ушедшая, в Пермь на завод ушла, хорошо обучилась там. Ну, это уж и далеко вперед закончила. Ну тогда и значит, уйти, когда идешь тот изнасила меня, и собралась, а он говорит:

— Куда пойдешь? Пачпорт у тебя нет. И не да, на это у меня силам хватит. Дыла со мной, дыра, не обмань. Выхватить не стану, у меня жена в Чистополе, хоть и с другим живет, а все-таки вчетвером все закон не поволяет! Уйдет она, обвенчается, вот бог свидетели!

Противен был он, да повзала я сразу запрято: уж очень много силы моей забавило в него. У Нестеровых семья вроде как родные были мне. Повзала, осталась. Немецкая она была и с ним, отаргани он был, да и нездоров, что ли: нивнем, нивнем, а детей нет. Дабом поменяются ядао мной, а над ним еще куле—дрознит его: он, конечно, сордится и обидит спой на мне вымещает. Бил, Одири раз залестула за шено вокзанами да и болово, чуть не удавил. А то полоним по затяжку ударил, даво, что у меня волос много, а все-таки долга без памяти мешала. Сосок на левой груди почти скусил, пивной порт, сосок-то и теперь на ниточке болтается. Ну, да что это вспоминать, поди-ка сам знаешь, товарищ, как в крестьянском богу говорит: «Не беда, что поводит жена, была бы охота жить». Наверное, несчастная эта воля...»

Сказав эти слова, она замолчала, пожимая платком в расквашенное лицо спой, подумала.

«Равенствата, это я по привычке говорю, а думается мне, как будто не так: конечно, трудный народ пострадал, однако и полами немало от войны! Как утвари мужиков, отвалили деревню, жму, и бабы поутра, стали жить, дружиме. Сначала-то прогнаны, а вскоре идят—сами себе хозяйки, и обществениста стало больше у них, волей-неволей, а надобно друг другу помогать. Беготен наши ударили, ой, как мотвала! Было их посыро, ситная хозяйка моего, конечно, посы с ними, у нас две черки; урядни—зять Антонова, первого в селе по богатству. И чего только они не делали с бабыми, солдатыми, как только ни жилим сок на них! На тайно их обшивають, шинков себе по хозяйствам разбавил. Дажэ слушно рассказывать все это. Пробовала я бабы, вторые покормоко, говорит: «Алау-зэ-тэ!» Ну, они мне не верили. Живу я среди горшков да плошек, подоконник да корчат, поглядываю на грабли, на распутието и все чаще вспоминаю стариков слова, Уланова-то: «Богим всему худому пример». И такая тоска! Ушла бы куда, да не вижу, куда итти-то. Тут Азизата Нестерова приехала, погу ей обогнала, на востане она. Говорит мне: «Знаешь, что рабочие думают?» Рассказываю, слушать—интересно, а—не верится. Рабочий я мало видела, а слухи про них нездоровые слышала. Думно: и что же рабочие? Вот кабы мужики! Мало рассказывала мне, а в конце-то концов, истелой года, ну, кое-что в разуме, долото быть. Уезжала она, вымачивала, Олять я осталась, как пень в поле, слова не с кем сказать. Меня не любил, бить не хотел, дама у комода прямо в глаза кричит: «Собака короля дора», и всякое обидное. Молчу, что совнешь? Правду кричат! Горестно было. Нет-нет да в испальниче тинюно гад-нибачу в уголку. Студна сонидатей год, синибаи ваян летом повзала мужик с войм, прямо так, как брани, дит, с винтовкою, все спой слардом. Пришел Никита Устогов, сив кузанаи вышло, а с ним еще бойковский парочек. И все же помю у ордманни, да какой-то вроде цыгане. Петром звали. Они да другой же дель сблани слонд и обьяло: «Мы—большевикит! Долой,—кричат—весь ботва!» Выходит это у них, но было серьезно, богачи поменяются, это побоедне—не верят. И мой бабы голубушка не верила ем. Однако вижу: хозяйки мой и приделачны шенчутся о чем-то, и все они поспешим. Собрываются в лапы почти каждый вечер и вядю—нехорошо им! Ну, значит, кому-то хорошо, а кому—не видно! Вдруг слышу: царя в Голубые привезли. Сарваншоа хозяйка в Астоблае как: «Зачем это?»

«Зачем это?»—«Вот тебе те перья—я в Сибирь царствовать будет. В Москве сидеть даяа его, тоже Николья». Не верю и ем, а положе, что правду Азиза говорила. А в Алаке, слышу, речат: «Ожидания свои голубине пати на чужое добро». Как-то вечером пошла незаметно к Никите, спрашиваю, что делается. Он кричит: «—Я вам, чертам дубовым, почти каждый день обьявлю, как же вы не понимаете? Ты кто? Батрачка? Ворю служивше?» Мужик он был сухой такой, черной, ломаный, а зуби белые-белые; говорила законно, приком кричала, как с глумлени. Он не то чтобы злой, а эдакий вострый. Вышла я от него и—право слово—себя не узнаю, как будто нозе платке видела и уже мне оно, пошевелился боюса. В голове—какая вертеться. Начала я с того дит жить как-то ни в тел, ни в сез, и—було дымом дышу. А хозяйка со мной ласково стаа. «Ты,—говорит,—верь только мне, а больше никому не верь. Я тебе не обьявлю, потине стант—обвенчались, жена померла. Ты,—говорит,—ходи на нивномто слодни, прислушивайся, чего он заговлет, Указави, отудал десертним у него, кто танец». «Алло, —думаю,—ловох ты, да не больно хитер». Незаметно в суматохе-то и Октябрь подслал. Организовался совет у нас, предом выбрал старика Антонова, секретарем Долова, а до войни сиделачем был в монополии и мало заметный человек. Ни гитары играл и пригнесселся хорошо, под пола, волосыю носла длиннее. В Совете все—богатен, Устогов и Игитом бунтуют, Устогов-то сам с совет метил, ну, не поддержала его, мало народа шло за ним, больше смелости его. Петр этот, прилетел его, тоже к богатам переметнулся, за них говорит. Прошло некоторое время—Игита убили, потом еще один десертнер провал. И вот мое по ли, а дель в лапу не приворотила; а мой, слышу, Антонов говорит: «Два зуба вышибли, теперь третий вылом». «Вот как?»—думаю, да и говорю в Никите. Он мне говорит: «—Это я без тебя знаю, а если ты итудумала с нами итти, так слыли за ними, а во мне же

Собираются в лапы почти каждый вечер и видно—нехорошо им!

сти на чужое добро». Как-то вечером пошла незаметно к Никите, спрашиваю, что делается. Он кричит:

«—Я вам, чертам дубовым, почти каждый день обьявлю, как же вы не понимаете? Ты кто? Батрачка? Ворю служивше?»

Мужик он был сухой такой, черной, ломаный, а зуби белые-белые; говорила законно, приком кричала, как с глумлени. Он не то чтобы злой, а эдакий вострый. Вышла я от него и—право слово—себя не узнаю, как будто нозе платке видела и уже мне оно, пошевелился боюса. В голове—какая вертеться. Начала я с того дит жить как-то ни в тел, ни в сез, и—було дымом дышу. А хозяйка со мной ласково стаа.

«Ты,—говорит,—верь только мне, а больше никому не верь. Я тебе не обьявлю, потине стант—обвенчались, жена померла. Ты,—говорит,—ходи на нивномто слодни, прислушивайся, чего он заговлет, Указави, отудал десертним у него, кто танец».

«Алло, —думаю,—ловох ты, да не больно хитер».

Незаметно в суматохе-то и Октябрь подслал. Организовался совет у нас, предом выбрал старика Антонова, секретарем Долова, а до войни сиделачем был в монополии и мало заметный человек. Ни гитары играл и пригнесселся хорошо, под пола, волосыю носла длиннее. В Совете все—богатен, Устогов и Игитом бунтуют, Устогов-то сам с совет метил, ну, не поддержала его, мало народа шло за ним, больше смелости его. Петр этот, прилетел его, тоже к богатам переметнулся, за них говорит. Прошло некоторое время—Игита убили, потом еще один десертнер провал. И вот мое по ли, а дель в лапу не приворотила; а мой, слышу, Антонов говорит: «Два зуба вышибли, теперь третий вылом». «Вот как?»—думаю, да и говорю в Никите. Он мне говорит:

«—Это я без тебя знаю, а если ты итудумала с нами итти, так слыли за ними, а во мне же

бегали. Если что узнаешь, передавай Степанко-бобай. Я на время скроюсь».

И вот, дорогой ты мой товарищ, пошла я в деле. Приотарилась, будто ничего не понимаю, стала с хозяйкою болтовое. Он в ту пору слышно выпивать начал, а долма гоголеми; они все тогда с трагидином били. Спрашиваю я моего-то: «Что это вы делаете?» Он, конечно, обьянет просто: граблен, а грабителей бити надо, как волков. И показстал:

«— Долок уйдяидави и остальным то же будит. Я скроиваю!»

«Разве Зуева, десертника, тоже убил?» «— Может,—говорит,—утопил. —А сям оставил зуби и гронит:—Вот еще старую Степанку худой носок жадит.»

Я—к ней, к Степане, а она ничего, поменявтал:

«— Спасибо,—говорит,—я уж сама знаю, что они меня амбобит перемстали!»

От нее заблела я к Нестеровым, говорю дяде Егору:

«— Вот какие дела!»

Он сосутет мне:

«— Ты бы с эти дела не совлакала!»

А я уж не могу! Била там семья Моисеевич, старик да две дочери от разных жен, старик—солдатик, а мажаша—девица еще; Ауди бобай, старик богомоушый такой, а солдатик—тагачна знаменитая, в три красна талюа узори и сама прику красная; злая баба, только меня она меньше других тривала. У нее дочерини бобайи, вроде—бабий клуб; разва дая она и меня звала. Вот и пошла я к ней от тоски спитаться. Застала там баб—все беднящие жима да вядом. И проварюа мене:

«Бабь,—говорю,—а ведь большевикит-то восточней правды хотит! Итвита на правду и убил, да и десертника Зуева. Неужто, говорю,—война-то никому не научила нас и не выдиге вы, что от еще богаче становитесь?»

И знаешь, товарищ, не знавала, же сама за себя говорю, а после от людей слыкала: уда-

Подбежала, успокоила его по выстрелу...

лось мне рассказать женщинам всю их жизнь тогда, что нынче. Это я и теперь всегда унес, потому что насчет знаю все и говорю практически. А старик Мокеев на печи лежал, слушал да утробой все мои речи Антонову и передавал. Вечером хозяйка даму заверяла, позвала меня в горницу, а там и Антонов, и ватек его, и еще двое жених, и Мокеев т-е-е тут. Он меня и утешал во всем; прямо сказала: она, дескать, не только вас, а бога давала! Это он врал, и тогда о боге не думала, а как шел и в черную ходила, и дома молилась. Нарара, старшор! Начал она меня судить, страдать, выспрашивать, хозяйка мой уговаривает их: «Она — дура, ей что ли сонлив, всему верит. Не трогайте ее, я сам поучу». Поучила Петеро сукот на полу валилась, не только встать не могла, а рукой-ногой пошевельять силы не было. Думала, и не встану. Однако — вынудил — встал! Сукот через трое валилась и хозяйка моя ушла в волость, и вот слышу я ночью, стучат в окно. Решила: пришла убить! А это Егор Нестеров.

— Живо, — говорит, — собирайся!
Вышла я на улицу, слыя парой зарпнянем, в сапке — Степаняда; спрашивает:
«Жива ли?»

А я и говорить не могу от радости, что есть люди, позабылись обо мне!
Громко шмыгнув носом, она часто заморгала, глаза у нее странно выпянулись, и ждала — заплачет, но она засмеялась очень босязито и налето по-мещан.

«Привезли они меня в город, стали допрашивать, да лечить, да кормить, — в жизни моей никогда не забуду, как алкала меня, просто как самую любимую! Народ все озорывал, тут и Устюгов, и Алена, и еще рабочий один, Василий Петрович, смешной такой. Ну, всего не скажешь, а просто: я родина пошла! Дядя Егор удивляется: «Я, — говорит, — не верю ей, почитай за шпильку от нее». Жила я в городе месяца четыре, уже началась гражданская, за совести, пошел гуляк войной на нас, и было это в наших местах вроде сказки и странно, и вконец! Путаница была такая, так что и понять трудно: кто за кого? Никита учит меня:

«Вертись осторожно, товарищ Амурца, держи ухо востро».

Начала меня кое-чему, свистега в голове стало, и уж по всему уезду шмыгала: где на мигнута бабам речи говорю, где разведу веду. Тут уж мне трудно рассказывать, много было

востро: перед глазами-то, как река течет. Поработала, слава те, господи!»

Савословские богу сконфузило ее, покарнать она не могла — и без того лицо ее было красное, точно кирпич, — но она всплеснула руками, засмеялась, виновато воскликнула:

«Ну ты, батюшко! Вот и оговорилась! Прощаю, товарищи! Слова эти — сорвала! А сначала — не покаявшись, они сами себя делом хвалят. Ну, ладно! Да, жила, поработала в охотку. Егор Нестеров собрал отрядчик, дескать три, сюда в село для наказания — там виднись, хозяйство излего разворили, Иваны-то ухлопали, должно быть, проваля, стоварили забавку поделал, Амурца Мокееву убил, а сестрицу ее, Танюшу, изнасиловал — она и по сей день дурочкой ходит. Егор суд устроил за площадь. Никита Устюгов речи говорил, народ одогаляло осудил Антонова, хозяйство моего, да еще

двоих: Зотова, мельника, и попа. Застрелял их. Дюков сармась, урядника в перестрелке убил, а старуху Мокееву и бороду, и волосы на голове обрил начисто и — ходил, гулял! Все было страшно, а как вывала Мокеева на утробу братаго — не покарнать: такой смешной она стала, что хваталась все до уналу, до смеха, и весь страх провала в смехе! Это Никита шутку выдумал. Он, ушел был мужик! Последни его предом слышавшю, Амуу скаротроном, а тоже в ядал вошла, все с бабамь возмась. Тут они все уж верили мне: «Из богатого дома аря да бедную сторону не встанешь» — говорит! «Эх, — говорит, — погудит! Да ведь вы сами знали, что в богатом-то дому собавой служила!» «А не служил!» Смеется. Ну, ладно! Примерно месца через два приехали нам бежать: белые пришли, и — виноваты не! Егор со своим в лес ушел, у него дескать пятак амуцай было, мог бы собрать больше, да винтовки не было. Меся и Степаняда оставил в смете: вывадолить, да не покажывайтесь! Степаня, отчаянная голова, там проталкался, а и проталкался версти за три на пасоке. Живем. По ночам Степаня вырядит, один раз винтовку сармал, принесла мне и говорит:

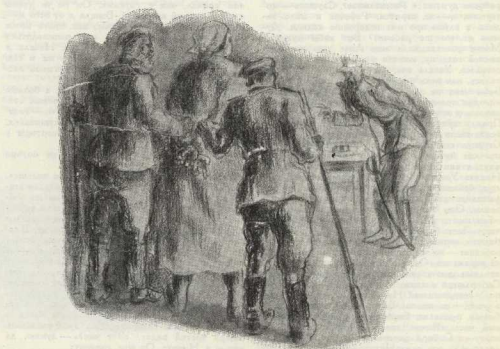
— Завещай, Дюков с бабамь, любивших мой, и с ому кому дерзость устроить, сполох! Он там ваточку собирает, страшила людей, и уже из-за его наказ двое пострадали, зарроставши».

«Пронадежь», — говорю.
«Амуцай сойга!»

Спошло ведь! Поше смешной был случай. Спину я как-то вечером на пасоке, шло что-то, поглядываю сквозь деревья на дорогу в село и вижу: будто Степаняда идет, а с ней мужчина в белом картузе, белой рубашке, идут не по дороге, а боком, кустами, там тропинка была на холмистой ялоди. Не поворачивалась мне эта проталка. Хотя и считалась Степаняда смелой, но да уж былом ядала была на кляное бабство. А она все ближе; тут уж я получила: «А не бежать ли мне в лес?» Вдруг вижу: заколосилась белой-то, а она — перком на спину ему, ноги свои подмянула его ступала, голову в землю прижала, кричит: «Амурца! Баба она здоровая, ловкая была! Бегу я к ней, сама вывадилась от страхи, бабачкается белым, вот-вот сплывет ее с собой! Подбежала, успокоила его по выстрелу. Степаняда револьвер вынула из кармана у него.

«Веди», — говорит, — его я Егору, он там сполохит».

А это Дюков и был! Ну, сволохал ми его на пасоку, отчудался он там, Степаняда говорит: «Стрелять знаешь как? Револьвера из рук не выпускай, так я веда. Я, — говорит, — тут

Кажой-то себеньши, дихоравочный, что ли, сконфузило: «Шпильками»

Максим Горький в 1900 году.

БУРЕВЕСТНИК

Очерк ЮЛИИ НЕЙМАН

О том, что квартира в доме Лик ваитя под наблюдением, Алексею Пешкову сообщила Саша Клоева, друговка кружками. Сашин брат, шавдар, с утра до вечера торчал в мелочной лавке напротив.

В квартире они жили втроем: Чекин, Сомов и Пешков. Чекин — бывший учитель, Сомов — бывший студент, Алексей Пешков — ценовой малорного века.

Соборничество было явно подозрительным. Начальник нижегородского мажандармского управления генерал Позинский имел основание писать: «Дружба его (Пешкова) с именовазанными двумя, несравненно выше его стоицини по образованию, личностям, дает право предполагать, что он, Пешков, представляет на себя орудие, при помощи которого Чекин и в особенности Сомов распространяют или желают распространять в городе свои антиправительственные воззрения».

Слово «орудие» было неудачным определением. Слово это будило представление о чем-то пассивном. А внешность этого долговязого парня, змурое, энергичное лицо его исключало всякую мысль о пассивности. «Неблагонадежная» внешность!

Запрос об Алексее Пешкове были разосланы в Казань, Саратов и Царицын.

Казанская полиция ответила немедленно, что Пешков в Казани служил в булочной, устройной с поблагонадежными людьми, воля знакомства с неблагонадежными личностями и читала сочинения, insbesondere, не являясь желаемого и несотвествующего его развитию и образованию направления».

Полиция могла бы любить, что служба в булочной была лишь кратковременным эпизодом в биографии этого 21-летнего парня, ус-

пешего к тому времени побывать в должностях магазинного мальчика, посудника, ученика иконописной мастерской, птичника, десатника.

театрального статиста. Ему, Алексею Пешкову, не сиделось на месте, нигде он не мог прожить и нигде не мог оставаться пассивным наблюдателем, созерцателем. Даже, когда, подавшись припаду отчаяния, он в 1887 году прострелял себе грудь из старого тульского револьвера, записка, оставшая им, резко отличалась от кроткой и примирительной литературы подобного рода. «В смерти моей прошу видеть, — писал он, — немецкого поэта Гейне, выдумавшего эпитафию: боль в сердце.»

Облик в комнате тронул ничто существовавшего не обнаружил. Тем же менее Пешкова арестовали. На допросе он держал себя «дерзко и даже нелегально», так уверяли мажандармы.

Отсидев месяц, Алексей Пешков, в будущем знаменитый писатель Максим Горький, вышел из нижегородского тюремного замка тем, кем остался для царских мажандармов вплоть до февраля 1917 года, — единственно неблагонадежной, находящейся под неусыпным мажандармом полиции.

Полиция следит за каждым шагом писателя. Из секретного отношения на имя самарского полицмейстера мы узнаем, что 23 марта 1895 года «мещанин Алексей Максимович Пешков выехал из города Нижнего Новгорода в Самару». В литературной биографии Максима Горького этот факт означал превращение Пешкова, в тому времени уже автора «Челкаша», в фельетниста Иегудилла Хамиду.

Кто такой Иегудилла Хамиду? Развертывает обязательств после сытного обеда воскресный номер «Самарской газеты», ищет повитать «что помышляет» — и тут-то обнаруживается за него гневный, изгаданный, беспощадный Иегудилла.

Хотелось бы написать прощальную статью о всезвездных карлика-маннутике, и обнаружил читает: «Назариев, карлики будут жить в Самаре колоссальный успех. Всякому альбомисту посмотреть на людей еще более маленьких, чем он сам!».

Царские псы следили за каждым шагом писателя. На фото: карточка Горького в петербургской охранке.

Нет поюя от Хамиды! Произошло ли увиче на фабрике, избил ли хозяин услужающего мальчижа, — до всего дело проклятому фельето-висту! Не даром фабрикант Лебедев называет его «болезнетворной баццалой в здоровом организме печати». Хамидка пишет от имени тех, кого не видит, не хочет видеть сытый обыва-тель, тех, кто еще стоит за дверьми, кто значи-тся между строк официальной истории Го-сударства Российского.

Он нигде не забывает о них, об этих «гни-маж», создающих доводство Российской импе-рии. Тот он возвращается в свой родной Ниж-ний. В городе — сутолока, подъем: ждут дара на «Европейскую выставку». Парадным строем развернуло купечество свои богатства. Фа-бриканты стеариновых свечей воздвигли восьми-аршинные свечи-столбы, российские «имяльные королки» выставили бобы четырех императоров, выделанные из их душистого товара. Наряд-ны павлионы Нобель, Алафурова, Крестовни-ковых. И по всем этим павлионам, среди всех этих великолетних безукусид ходит высокий человек с наменным лицом мастераго и вспоминает то, что не следует вспоминать.

В павлионы бакинских промыслов Нобель он говорит о том, «как сиверно живется людям в обетованной стране нефтяннков». Вычитая в рекламной брошюре завода бр. Крестовниковых о больнице для рабочих, он вспоминает: «Я ви-дела в 1889 году больных, которых выдворяли из этой больницы, решив превратить ее в склад душистого мыла».

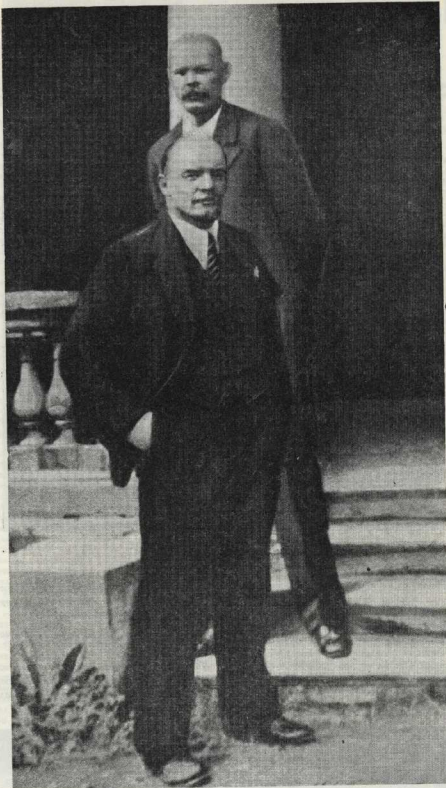
Он всегда помнит о них, и они помнят и лю-бят его. Имя писателя Горького скоро стано-вится синонимом протеста, борьбы, революции. В 1902 году в Москве распространяется такое воззвание:

«Завтра, 8 ноября, в 8 часов утра, с поч-товым поездом в Москву придет проездом в Крым Максим Горький. Из Нижнего он удаляется административно, т. е. насильствен-но и незаконно. Весь Нижний возбуден этим новым проявлением насилия над любимым поэтом, воспевающим борьбу и свободу и певшим песню безукусу хрыбких... Мы обращаемся к московской учащейся молоде-жи и ко всему московскому обществу с просьбой присоединиться к нашему протесту, расширить его и постараться об устройстве таких же демонстративных встреч в городах, через которые поедет Горький... Пускай же путь борца за свободу человеческой лич-ности будет триумфальным шествием победит-елей!».

Нижнегородцы»

Полиция сделала все возможное, чтобы со-орвать «триумфальное шествие», и это ей уда-лось. Тем не менее первая политическая демон-страция в Нижнем Новгороде связана с име-нем его славного уроженца. Ленин в «Искре» писал: «В Нижнем избойлась, но учено со-щившая демонстрация 7-го ноября была вызва-на провозом Максима Горького... Валибукин объявил его в урнуми на нас... — говори-л оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свобо-де... — мы заявляем, что это было хоршее явление.» (Ленин, т. IV, стр. 345).

Между искровцами и Горьким ровная связь. Уже в 1902 году происходит свидание писателя с представителями нашей партии — Лешинской и др. «Мне было крайне приятно слы-шать, — пишет Лешинский, — что все его сим-патии лишь на нашей стороне. Органом, заслу-живающим уважения, талантливом, интересном

Ленин и Горький (снимок 1920 года).

он заходит лишь «Искру» и нашу организа-цию — самой крепкой и солядой... Я вижу, что мы провозем на него порохом впечатле-ния, чем очен обрадован. Он же провозем паруюущее впечатление...»

9 января 1905 года Горький был в Петер-бурге. Вечером, после рокового выстрела, он писал обращение к обществу от имени участ-ников делегации общественных деятелей. Обращение заканчивалось призывом «к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием.»

11 января Горький был арестован и заклю-чен в Петропавловскую крепость. Но шум, под-нятый в европейской печати, вынул дарское

правительство: Горького решено было освобод-ить до суда с полиской о немисле. Однако последняя мера вызвала протест у, неизменно-ка охранного отделения. Он заявил, что из са-ного часа не оставит Горького на ундцах сто-лцы. И Горького выслали в Ригу.

Горький требовала суда. «Необходимо, чтобы меня судили, — востанывала он. — Если же они решат починить эту неумную историю админи-стративным путем, я немедленно возобновлю ее, но уже в более ярком масштабе, более яр-ном свете и добьюсь суда для себя — позора для семейства гг. Романовых и ниже с ними».

Дело было замято.

Сталин и Горький (снимок 1931 года).

Начиная с 1905 года Горький оказывает активную помощь большевистской партии. Царское правительство усердно добивалось заима за границей. Заем нужен был для окончательного подавления революции. И буржуазная Франция дала деньги Николаю II.

Горький ответил на это грозным памфлетом «Прекрасная Франция».

Этот памфлет вызвал бурю возмущения во

французской прессе. Как! Французы кланялись о том, чтобы Горького освободили из тюрьмы, и вдруг такая неблагодарность!

Горький пишет «господам журналистам» Франции:

«...С точки зрения здравого смысла, вам, господа, следует добиваться, чтобы я в тюрьме сидел возможно чаще и дольше, а когда вы

протестуете против этого, меня такое ваше поведение, извините, смешит.

Ибо мы — враги непримиримые...»

В Америке, куда Горький поехал для сбора денег в кассу большевиков, им была написана «Мать». «Мать» печаталась в сборниках «Знание». По выходе трех сборников комитет по делам печати наложил на них арест и потребовал привлечения автора к суду.

Зато революционные рабочие встретили книгу с восторгом. Владимир Ильич прочел ее еще в рукописи. При встрече с Горьким он сказал, что находит «Мать» книгой очень современной и нужной.

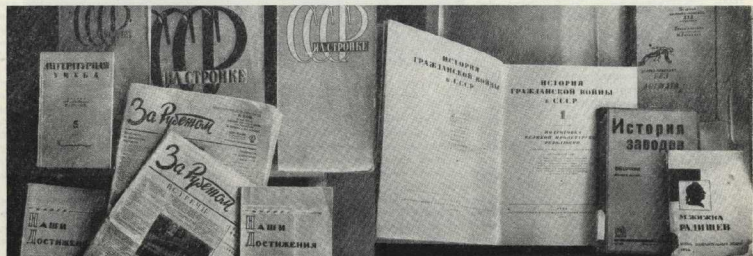
Ленина и Горького связывали тесная дружба и глубокое взаимопонимание. Из писем Владимира Ильича «Максимовичу» видно, как ценил он его, как заботился о его здоровье, с каким вниманием следил, чтобы всякая, кажущаяся работа не отвлекала писателя от большого дела его жизни.

Ленин прощает Горькому некоторые колебания и отступления, он знает, что Горький наш, несмотря ни на что. И когда в 1918 году Горький, поборов ряд мучивших его сомнений, приходит к полному признанию Октября, Владимир Ильич встречает его с распростертыми объятиями.

Горький включается в активную работу страны. Как отнесся к этому шагу любимого писателя пролетариат, видно из писем рабочего-сормовича Дмитрия Павлова:

«Дорогой Алексей Максимович! Прежде всего позвольте выразить вам свою глубокую радость, что вы наш, что вы окончательно с нами. А то было как-то больно там внутри, во время горячей работы, когда напряжало все, а вас среди нас нет! Я как-то не мог переносить этой мысли, призывая десятки лет считать вас своим, близким нам — рабочим Другим, Учителем и, главное, — Товарищем! О сколько было передумано, переставляя вместе с вами! Но ладно, главное, вы опять с нами, вы наш, теперь-то от нас не уйдете. Врете — не уйдете! И basta!»

Он не ушел. Когда в 1921 году болезнь вынуждает его уехать на долгий срок за границу, душой он остается в Союзе. Он ведет горячую переписку с самыми разнообразными людьми. «Иногда начитаетесь писем,— говорит он,— и так захочется домой, что, если бы не роман

Все эти замечательные советские издания, знакомые каждому культурному гражданину нашей страны, были задуманы Алексеем Максимовичем. Горький был редактором многих журналов и книжных серий.

...Лаутон повалился на дорожку, как мешок.

— Какой ты, полагаю и на тебя, забытый друг! Малою на губах не обессола, а уж воображает, что кака-то белая девочка могла залюбоваться в него!

Я сидел, подавленный его гневом, плотно втиснутый в угол сиденья его огромным телом. — Еще никто из семьи Гордонов не подвергается суду Лина! — проорал он в ярости. — Уж лучше убить тебя собственными руками!

В смертельной страхе я подумал, что он собирается меня убить сейчас же.

— Да я вовсе не бегу за ней, — сказала и растерявшись. — Если уж из то пошло, скорее она бегает за мной, чем я за ней.

Лошадь еле тащилась, колеса тележки сиринтам по песку, мы молчали.

Вдруг Бэд насторожился.

— Кто это там еще едет? Действительно, кто-то ехал нам навстречу. По обычаю, заведенному истарии, при встрече двух вышедшей один уступал другому половину дороги. Если одна из тележек была слышно нагружена, другая обязана была совсем свернуть с дороги. Но если в одном экипаже ехал негр, а в дру-

гом — белый, то негр обязан был сворачивать с дороги при всех обстоятельствах.

Ехавший нам навстречу белый отчаянно звал свои привагены. Но Бэд не свернул с дороги. Я понял, что столкновение неизбежно. Пока я размышляла, чем все это может кончиться, белый подошел так близко, что я узнала в нем одного из тех молодых, которые остановили меня на дороге и надевались надо мной за то, что я им не поклонилась.

— Бэд, — зашептал я вполголоса, — это то существо, о котором я тебе рассказывала.

Белый остановил лошадь. Но, увидев, с кем он имеет дело, побледнел. В его жестоких серых глазах промелькнул ужас.

— Это он, он! — взордовал я, терпя Бэда.

— Я это знаю, — сказала Бэд, не поворачивая головы. — Ему и его брату принадлежат поместья Лаутон. Он, видимо, не сразу узнал меня.

В тот момент Лаутон резко повернул лошадь и уступил нам дорогу, даве больше, чем следовало. Но этим делом не кончилось.

Помощник вскопич в своей тележке и, цорюившись с нами, выхватил из кармана револь-

вер. Меня поразил и его рост и отягченное сложение. «Почти атлет, — подумала я, — почему я в тот раз не заметла этого?»

Бэд передал мне вожжи и повернулся в сторону Лаутона. За его широкой спиной я чувствовала себя, как за стеной, откуда спокойно можно было наблюдать за событиями.

Мне вышло badly, как Лаутон поднял револьвер, как под рубашкой напрягались мускулы Бэда; но прежде чем я успела еще что-либо разглядеть, Бэд выхватил у Лаутона револьвер и, обняв белого обими руками, высоко поддал вверх.

Я в ужасе закричала.

Бэд с такой силой бросил Лаутона, что тот повалился на дорожку, как мешок.

«Умер», — подумала я.

Бэд взяла вожжи, но не тронула лошадь. Он сидел и ждал, время от времени озираясь по сторонам. Крутом было пусто. Наконец Лаутон очнулся и встал на четвереньки. Его волосы густой багровою сливали на глаза, из носу текла кровь, смешанная с песком, она уезкой полойской струилась по подбородку.

— Выгляни на этого блондина, как из горю! — сказал Бэд. Лаутон встал, встряхнул голову, повдвинул, но сознавая еще, что произошло, потом, пошатываясь, направился к нам. — Еще хочешь? — зарева Бэд. — Ну что ж, погоди!

Лаутон вытер рукавом окровавленное лицо и вымыпывала из рта песок, протинула руку:

— Нет, довольно! Я вижу, что вы настоящий мужчина. Я восхищаюсь такими людьми.

Бэд спокойно позвал ему руку.

— Да, вы поступили, как честный человек, и пусть это останется между нами.

Бэду хотелось расквитаться, но у него вышло что-то, положие на фирманце.

— Итало, все в порядке, — промолвила он. — Вы спрашивали замечать, что я мужчина и честный человек? Это было мне хорошо известно и без вас. Согласитесь, что же я был зачинщиком.

Лаутон заглянул за спину Бэда.

— Пусть прошлое будет забыто, — сказал он, обращаясь ко мне и вполголосицу протвинул мне руку. Пожимая ее, я был счастлив и горд.

Лаутон повернулся, надела шляпу и сел в тележку. Он помахивал рукой до тех пор, пока мы не скрылись из виду.

Мы, конечно, отвечали ему тем же самым. Нам тележки у наших ног подкаскивала револьвер.

— Почему ты не вернул ему револьвера? — спросил я. — Бэд же мы расстались друзьями?

Бэд оттолкнул ногой револьвер и сползнула из зад лошадь.

— Он же не спросил его у меня, и знаешь почему?

— Нет.

— Потому что он отчаянно влетел, что я ему не верю ни за грош... Ни одному из них.

Несколько лет спустя Большой Бэд Гордон был предательски убит из-за угла.

Перевел с английского Т. СОРОНИН

КОРОТКИЕ—ЧАСТЫЕ

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Ты смгрой, а я спую —
Разгону печаль мою,
Поселению, прощальною,
Печаль мою печальную.

Игровой мой, игровой,
Идет дорожкой полевой,
Идет в семнацать летях!
И вся дороженька в цветах!

Подружка, ох, ушла в мох,
Никто подняться не помог,
Но вдруг усманила гармоню,
Смотрю — подходит знакомый.

Пойду косяк, пойду пахать,
Твое гармоню веде пахаты.

Из-за палачи, из-за лесов
Продвигается в двадцать голосов.

Скажи с тобой, в твоим дому
Продвигается мне или ему?
Скажи, идти которому
На все четыре стороны?

На тебя равняю, подружка,
И качаю головой,
Не качаю, примечаю:
Не с тобой гуляет твой!

Путь далекий, путь обратный
С первым порешено.
На кого оставало брата,
На него хорошему?

Великая хартия социализма

КОНСТИТУЦИИ БУРЖУАЗНЫХ СТРАН И КОНСТИТУЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Статья ДМ. ЛЕБЕДЕВА

ВОЛЧИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА

Французская конституция 1875 года была принята большинством одного голоса. Кто-то сохранил, что если бы у двух депутатов лагеря «большинства» заболела живот, Франция осталась бы без конституции.

Газеты, политики, наблюдатели утверждали, что «конституция де Валонга» (таким было имя ее автора, юриста) продлится несколько дней, потому что везла же, в конце концов, строить государственную власть на основе змеячьего соотношения сил в учредительном собрании, которое далеко не отражало подлинного соотношения сил в стране.

Однако французская конституция существует уже более 60 лет и считается неизменной основой французского парламентского режима.

Так делалась не одна французская буржуазная конституция. Все конституции буржуазных государств были, по существу, скомпромированы (дарованы) буржуазией масс. Именно поэтому, например, буржуазные газеты счесть удивленным решением советского правительства передать проект новой сталинской Конституции на обсуждение широких масс. Где и когда это видано, чтобы народ сам решал свою судьбу? Права народа всегда определялись господствующими классами, и всякое расширение этих прав являлось долгой кровавой борьбой. Такой волчий закон капиталистического мира.

Возьмите английскую конституцию, которая считается самой демократической. Англичане говорят — это вошло в посылочку, — что их парламент может сделать все: он может даже мужчину превратить в женщину. Английская конституция действительно наиболее полная форма буржуазной демократии на всех, какие существуют в капиталистических странах.

Но уже один внешний вид этой конституции показывает, что она является результатом длительной, упорной классовой борьбы. Ведь английская конституция как целый юридический документ... не существует вовсе. Многочисленные составляющие ее законы приходят в разное время и нередко противостоят друг другу. Язык их тяжел и мучительно для понимания. Туманность отдельных законов дает повод для бесконечного кропотливого, на которое англичане, как мы знаем еще из Дикенса, большие затраты.

Однако конституция и связанные с ней традиции все-таки действуют.

В конституции, например, не записано, но это считается столь же всевластным, как и сама конституция: когда председатель палаты — спикер — встает, депутат, который стоя про-

являет речь, должен сесть. Иначе это считается нарушением конституции. Однако новый фирменный депутат посмея нарушить это правило и получил за это... удар от помейсего-Стоа; же, впрочем, необ'яснима и традиция называть

Фомо Н. Гунсон

Область Свободы на Советской площади в Москве. Начертана на гранях этого облака первая Конституция Страны советов является памятником великой октябрьской победы. Конституция эта сыграла огромную историческую роль: она помогла Советской стране укрепить диктатуру пролетариата, сломать свергнутых классового врага и подготовить условия для построения бесклассового общества.

председателя палаты спикером (оратором). Известно ведь, что спикер никогда не говорит, ограничиваясь односложными замечаниями. Но такая уж сила традиций, не поддающихся никакому контролю.

ТИПИЧНАЯ ИСТОРИЯ БУРЖУАЗНОЙ КОНСТИТУЦИИ

В 1215 году, то есть 720 лет тому назад, дугезин и светские лорды Англии, объединившись с городской буржуазной знатью, заставили короля Иоанна Безземельного впасть в «Великую хартию вольностей».

Буржуазные ученые называют эту хартию «винит-осесенцией подлинного демократизма. Но «демократизм» ее заключается только в том, что феодальная, дугезин и городская знать получила писанное признание тех прав, которые она уже имела фактически. Это повелевало и составлен в 1295 году, под Эдуардом I, «Образцовый парламент», в котором восседала 89 епископов и аботов, 111 светских феодалов и 172 представителя городской буржуазии.

В следующие годы внутренняя неурядица в португальской, когда голодом миротвор и низшей порой встал на плаку, английский парламент (точнее, его нижняя палата — палата общин) открыл, став внешней властью страны Городская буржуазия и земельная аристократия заставили Карла II Стюарта в 1679 году принять знаменитый «табес корпус акт», устанавливающий неприкосновенность личности английского гражданина. Стюарты нарушили этот акт, и тогда парламент посядал на их место Вильгельма Оранского (1681), сызав его «блелом о правах», который превращал короля в послушное орудие парламента, то есть земельной аристократии и городских денежных тузов.

Однако господство земельной аристократии не могло быть вечным.

Промышленная революция XVIII века превратила буржуазию в мощную общественную силу, и аристократия пришлось ей уступить в первом месте в парламенте. Закон 1832 года об уничтожении английских местечек (мелких избирательных округов, обеспечивавших господство земельной аристократии) зафиксировал это новое соотношение сил в парламенте.

Но и закон 1832 года оставил за пределами «демократии» 95% населения, не имевшего избирательных прав. Под нажимом масс британская буржуазия должна была шаг за шагом отменить эти ограничения, сначала отменить и выборы рабочую аристократию (1867), затем — сельскохозяйственным рабочим и городским рабочим — квартирированными (1884), затем — оставшим рабочим мужчине и, наконец, женщины старше 21 года (1918 и 1928). Так Англия получила всеобщее избирательное право.

На практике от так называемого «всеобщего» избирательного права сейчас осталась едва видимость.

Подлинной властью обладает не нижняя палата, а кабинет министров, являющийся полномочными монополистического капитала.

Так как министры — это обычно лидеры партии большинства, то они легко обеспечивают себе поддержку в парламенте. «Надо дойти до палаты», — выпала обязанность регистратору Эджиты (указ) временного партийного большинства.

Для этого приспособлена вся парламентская система. Число всего времени парламентских заседаний затрачивается на обсуждение законопроектов, внесенных правительством.

Для собственной законодательной инициативы у депутатов просто нет времени. А если она и найдется, всякая инициатива топчется в бесчисленных комиссиях на во время трех обязательных чтений.

Жизнь самого парламента занесена... от кабинета министров. В течение последнего столетия правительство редко уходило в отставку по воле парламента, зато парламент почти всегда, кроме редчайших исключений, уходил в отставку по воле правительства.

Если раньше Англия шла под властью парламента, то теперь, как говорит Лоу, она «живет под властью системы молчаливых соглашений». В годы войны, например, правительство действовало, опираясь на исключительные законы. Те же законы были пущены в ход, чтобы подвигнуть англоязычных горняков в 1926 году. Таким образом, английская конституция моментально перестает действовать, как только пролетариат высказывает желание воспользоваться ее благами. К тому же несмотря на ликвидацию «гилдов местечек» промышленные округа и сейчас имеют меньше представительство, чем округа земельной аристократии.

К чему приводит эта система, видно хотя бы из следующих цифр. В 1923 году консерваторы потеряли 37 тысяч голосов по сравнению с 1922 годом и в то же время 86 мест в палате. Либералы же получали 146 тысяч лишних голосов, а в палате только 42 новых мандата. Коммунисты в 1923 году получали 30 тысяч лишних голосов, но в палате потеряли и те 2 места, которые имели раньше. Лейбористы в 1924 году приобрели 1160 тысяч новых голосов, но в палате... потеряли 40 мандатов.

Что касается демократических свобод, предоставляемых конституцией английским гражданам, то они столь же формальные, декоративные, как и свободы, предоставляемые всякой другой буржуазной конституцией. Гражданам гарантирована свобода печати, но вся печать принадлежит капиталистическим трестам (Норт-Кларк, Ротермер, Бинербури), и единственная рабочая коммунистическая газета («Дейл уоркер» живет на гроши, собираемые среди прорабников и безработных).

Гарантирована свобода слова и собраний, но коммунистические митинги и демонстрации нередко разгоняются полицией.

ЛИЦЕМЕРИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Впрочем, в отношении лицемерия французская конституция пошла еще дальше английской. Всеобщее избирательное право во Франции оказывается полнейшей фикцией. Права голоса лишены женщины, солдаты, моряки и все, кто прожил меньше 6 месяцев в последнем месте жительства.

Вероятно английской системе, где верхняя палата (палата лордов) имеет некоторые права, но не главенствует, во Франции верхняя палата (сенат) может отвергнуть любой закон и даже распустить палату депутатов. Сенат фор-

мируется почти исключительно из представителей капитала: он избирается муниципальными советами, состоящими по преимуществу из кулачества и городской буржуазии. Не удивительно поэтому, что сенат тормозит проведение всех законов, направленных к улучшению положения масс.

Каких усилий стоило рабочему классу прийти в сенат после единственного представителя — Марселя Каппеля — и то только после 60 лет существования буржуазной республики!

Это еще не все. За последние годы, по мере развития фашистских тенденций в рядах французской буржуазии, регламент палаты депутатов превратился в средство расправы над оппозицией. Права ораторов на год в год ограничиваются. Депутатам предоставлялось слово — самое большое на 15 минут. Председатель палаты, права которого очень велики, мог по лю-

Декларация прав человека и гражданная эпоха великой французской революции (фронтиспис). Защита «святыни и неприкосновенности» частной собственности составляла основу этой декларации.

бою повлечь превратить неугольного оратора или изменить порядок дня и закрыть заседание.

Да и самые выборы в палату никак не отражают точного отношения классовых сил в стране. Мало того, что буржуазия, имеющая в руках все средства агитации и печати, беспощадной рекламой, донегой, прямым подкупом и угрозами старается привлечь к голосующим на свою сторону систему французских выборов тактика, что пролетариат лишь с трудом может провести в палату своих представителей.

Франция работает на малые избирательные округа, в которых рабочее население перемешано с остальным крестьянским. Голосуют два кандидата (два тура). Избранным считается тот кандидат, который получит либо абсолютное большинство в первом туре либо относительное — во втором. Когда есть риск, что относительное большинство во втором туре получит коммунист, все реакционные партии выставляют одного кандидата.

Лишь в этом году компартия удалось нанести удар этой капиталистической механике. Компартия призвала массы к созданию народ-

ного фронта, который во втором туре выставил в каждом округе только одного кандидата, и это обеспечило блестящую победу народному фронту.

Раньше же, когда левые партии выступали раздельно, результаты получались совершенно иные. В 1932 году компартия получила на выборах миллион голосов, а социалисты — около двух миллионов. Но коммунисты провали в палату 10 депутатов, а социалисты — 100.

«НЕЗЫБЛЕМЫЕ СВОБОДЫ»

Обособ место в буржуазной конституции Франции, как и во всех прочих буржуазных конституциях, занимают так называемые «незыблемые свободы»: слова, печати, совести, собраний, стачек, вероисповедания, наконец, неприкосновенности личности и жилища. Все конституция гарантирует эти свободы. Некоторые (например японская) подчеркивают: «В рамках закона». А так как определение того, что законно и что незаконно, принадлежит правительству и полиции, то обычно незаконным оказываются все, что неугодно стощей у власти казне.

Другие конституции формально не делают таких ограничений. В первоначальном тексте французской конституции (она состоит из 3 законов) права граждан были вообще... забыты. Много лет спустя их кое-как сформулировали. Граждане Франции имеют теперь все «свободы». Лицмерие этих прав везде, в частности во Франции, легко обнаруживается при столкновении с действительностью.

Свобода печати. Но за распространение коммунистической «Юманите» и «Авангарда» рабочих арестовывали, а капиталистические органы распространения и связи искусственно ограничивали распространение рабочих газет. В Японии тоже судили за распространение газет, но за попытку издать в рабочих газетах сотни пролетариев повалил на каторгу.

Свобода слова и собраний. Но на протекание многих лет возле рабочие собрания, митинги и демонстрации были запрещены и разгонялись полицией.

Неприкосновенность личности. Но в частности, Франция в эпоху Пуанкаре прославилась «президентскими (предупредительными) арестами»: накануне рабочих праздников тысячи пролетариев без всякого powodu садились в тюрьму для того, чтобы помешать демонстрации.

Личность всех этих «свобод» подтверждается тем, что даже Франция не отказывается от них окончательно. В Германии, например, до сих пор не отменена реймская конституция, существовавшая еще эти свободы. Но в той же реймской конституции — самой демократической из всех буржуазных конституций — один только 48-й параграф провозглашает все ее вечностное здание. Этот параграф возлагает президенту при известных условиях (каждо нарушено общественное спокойствие) отменить эти «свободы» и проводить любые исключительные законы. Опираясь на этот параграф Гитлер, не нарушая формально реймской конституции, превратил германскую республику в самый черный, контрреволюционный застеноч Европы.

СИЛА СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Что отличает нашу новую, сталинскую Конституцию от конституций буржуазных стран? Самое неслабое дело сформулировать это различие. Все в этой Конституции победило-

шего социализма ново, свежо, смело, непохоже на старые, буржуазные варианты.

В буржуазных конституциях власть парламента фиктивная, потому что совет министров может в любой момент распустить иνούдий ему парламент. В нашей Конституции Совет народных комиссаров в полном ответствии педиссариетом Советом и Совет народных комиссаров не имеет полномочий для роспуска Верховного Совета.

Во всех буржуазных конституциях верховная исполнительная власть предоставляется единолично главе страны — монарху или президенту. У нас эту власть представляет большой коллектив в 37 человек — Президиум Верховного Совета, который вправе распустить Верховный Совет только в случае незыримого расхождения между двумя палатами — Советом Союза и Советом Национальности.

Во всех буржуазных странах наряду с избранным зародом парламентом существует верхняя палата, назначаемая или избираемая только из рядов господствующих классов. У нас наряду с Советом Союза существует Совет Национальности, в котором представлены все национальности Советского союза.

Во всех буржуазных конституциях всеобщее избирательное право ограничено возрастом (обычно оно предоставляется с 21 или даже с 25 лет), оседлостью (определеным сроком пребывания в одной местности). Избирательное право лишены армия, иногда — студенты и государственные служащие (например в Японии), а пелорды и женщины. У нас нет этих ограничений, а политические права граждане получают с 18 лет.

Во всех буржуазных странах существует активное и пассивное избирательное право, то есть право избирать и быть избранным. Пассивное право, то есть право быть избранным, повсюду оседло ограничено взрослою рода — ценз: оседлостью, возрастом и т. д. У нас нет этих ограничений. Всякий, кто избирает, может быть и сам избран в Совет депутатов трудящихся.

Во всех буржуазных странах конституции предоставляют все права только господствующей национальности. Остальные же национально-

сти, и особенно колониальные народы, либо совсем лишены политических прав, либо получают их с огромными ограничениями. У нас нет этих ограничений, и все национальности равны перед законом.

Во всех буржуазных конституциях так называемые «свободы» (печати, слова, собраний) представляют собой только бумажные обещания. В руках господствующих классов находятся все средства, обеспечивающие им монопольное пользование этими свободами (деньги, типографии, заам для собраний, клубов и т. п.). Только советская Конституция дает реальною возможность пользоваться свободами слова, печати, собраний всем трудящимся, а не ничтожному меньшинству населения.

Во всех буржуазных конституциях представляют собой запуганные, написанные двусмысленным языком документы, изобилуют противоречиями, поправками и исключениями. Только советская Конституция написана ясным, отчетливым, доступным массам языком, она не имеет никаких поправок и исключений, ничего того, что оправдало бы старинную поговорку: «Закон — что дышло: куда повернешь, туда и вышло».

ПОЛНОПРАВНАЯ ЖИЗНЬ

Сталинская Конституция — самая свободная, самая демократическая Конституция в мире — открывает для всех слоев населения широчайшие перспективы творческого развития и совершенствования.

Во всех буржуазных конституциях мира лишают молодежь всех прав, отстраняют ее от государственной и общественной жизни.

В мире есть сейчас только одна — сталинская Конституция, которая предоставляет молодежи все политические права.

Сам по себе молодой и цветущий, лишь недавно вступающий в пору своего конституционного совершенствования (18-летие), Советский союз доверяет молодежи любую отрасль государственной и общественной деятельности, знает, что молодежь всей своей жизнью, всеми своими чувствами и всеми лучшими своими помислами служит великому делу Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина — делу коммунизма.

Нечего и говорить, что ни одна конституция в мире не предоставляет молодежи никакого права на труд, на отдых и образование. Германский фашизм лишает молодежь права работать на предприятии до 25 лет и изгоняет из школ большую часть молодежи. Идеалом молодого человека, по мнению Гитлера, должно быть... собака послушание. От собаки не требуется никаких интеллектуальных качеств, она должна лишь верно служить хозяину.

Сравните с этим те гигантские перспективы, которые открываются перед молодежью нашей страны благодаря победе социализма.

Начиная с 18 лет каждому гражданину СССР, без различия пола, расы, национальности, прошлого, предоставляется право избирать и быть избранным на все государственные и общественные должности.

Каждый юноша, каждая девушка Советского союза имеют право на труд, отдых и образование. Проблема страшного «кавтра» не существует у нас.

Повсюду буржуазия отторгается от тех земель, под которыми она пришла к власти. С помощью всевозможных машинной буржуазия превращает демократические конституции в клочок бумаги.

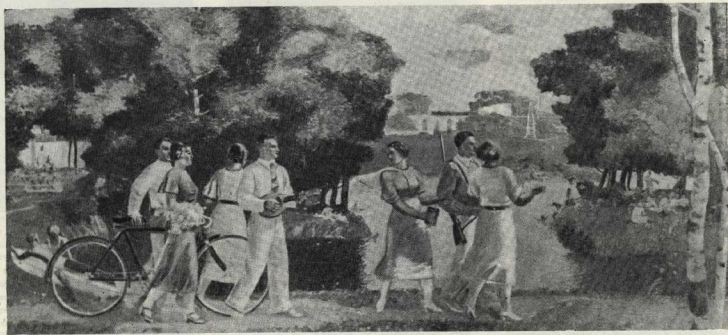
В странах фашизма (Германия, Италия и Польша) конституции давно уже сланы в архив, и там господствует ничем не ограниченная террористическая диктатура крупного капитала.

Вот почему повсюду в капиталистических странах пролетариат является сейчас единственным борцом за демократию, ту самую демократию, от которой старается избавиться буржуазия.

И вот почему фашисты встретили проект нашей Конституции бешеной руганью.

Наша новая советская, сталинская Конституция — величайший документ эпохи. Она отличается от всех конституций мира тем, что в ней права трудящихся ничем не ограничены.

Наша Конституция неизмеримо выше всякой буржуазно-демократической конституции, потому что это Конституция социалистическая, Конституция, выработанная рабочим классом, строящим бесклассовое общество.

Вторая родная прощала (нако работы молодых художников П. Мальцева, В. Одицова и Г. Нисеко).

Туберкулез

"ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ"

Порок пришла с острова Ява. Ночью большая крыса соскочнула с опустевшей палубы на трос, привязавший корабль к пристани. Металлический диск перегородил ей путь. Крыса поскреблась о препятствие, обнюла его и вернулась обратно... Металлические диски остались как воспоминание о «черной смерти», бушевавшей по всему миру в памятный человечеству 1348 год.

Болезнь тогда двигалась от города к городу, преодолевая моря, порывавшая черес границы. Она захватывала Англию, Францию, Италию, Испанию. В одной Англии за год погибло 2 миллиона человек. Население в панике поки-

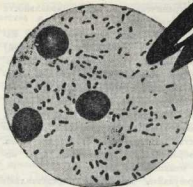

Паника смерти (старинная гравюра 1493 года).

дали города. Дороги, ведущие из Лондона, были забиты людскими потоками. Но смерть не стала безжалостной. Начинаясь лихорадка, потом в подмышечной ямке появлялась опухоль, и человек расставался с жизнью. Дороги покрывались вереницами трупов. Каждый путник, равно явля позадню, занимал свое место в этой скорбной череде. Тяжелый запах гниения поднимался над дорогами, городами и поселявшимися странами.

Только через много лет после эпидемии 1348 года ученые догадывались, что чума разносится крысами. Маленькие зверьки прятались в трюмах кораблей. Канитинный сквозняк и штурманские бури вели вестников смерти. Ночью в пустынях, обезлюдивших портах крысы соскальзывали на берег. Ветер разносил чумные бациллы, вырвавшиеся из их легких. Бактерии начинались, как пожар, и врачи не имели средств, чтобы задержать это похлещеющее пламя.

Тогда среди других мер были придуманы металлические диски. Люди перегородили крысам дорогу на берег. В Европе болезнь затихла. Она продолжала бушевать в Индии, Манчжурии, на Филиппинских островах, в предгорьях Афганистана, в просторных степях Саянщины. Миллионы султанов заменили здесь крысы.

Бацилла чумы.

В Афганистане слесари, где появлялась чума, окружали молчаливые садкиши. Никто не смел пройти сквозь кордон. Дула винтовок были направлены на слесари.

Но ночью, скользнула мимо ног коней, маленькое зверьки пронесла чуму через багательную цепь. Султанки поднимались на пригорки, оглаживали степь и мчались дальше. Чума, как ветер, гуляла по большой стране. Чума приходила и брала свои жертвы, и каждый заболевший был осужден на смерть...

Луи Пастер уже давно открыл свой способ прививок против бешенства.

Джозеф Листер победил балочную гангрену. Раньше от сложного перелома бедра умирали 80—90 человек из 100. Теперь умирали 10 из 100.

Пауль Эрлик проделал 605 опытов, пытаясь распространить с прозрачной бледной спирокетой, микробом сифилиса. 605 неудач постигло великого ученого. Но в 606 раз Эрлик победил.

Перед всемогуществом науки отступали самые лютые враги человека. Эдуард Джонкер из графства Глостершир предложил прививать людям вероую оспу. После такой прививки человек уже не мог заразиться оспой натуральной.

Врачи на чуме (гравюра 1720 года).

Сельский врач расправился с одной из самых страшных болезней.

Десяти ученых шли по пути Джонкера. Можно было думать, что в этом круте вопросов заключена и разгадка тайны чумы. Может быть, если убить чумную бациллу и вприсыпать ослабленный ад человека, он не умрет, но приобретет иммунитет — силу, дающую ор-

ганизму возможность расправиться с настоящей чумой?

Это была логически верная идея. Только природа ее всегда подчиняется логике. Мертвые чумные бактерии не всегда давали иммунитет. Какие-то особые силы имели бацилла чумы, страшная бацлла «чумки», носительница «черной смерти»...

АРМИЯ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ИДТИ В НАСТУПЛЕНИЕ

Ученые склонились над микроскопом. И тогда шаг за шагом стала выясняться тайна чумы.

Когда какие-либо бактерии проникают в чувствительное тело, микробы лейкоцитов — белые кровяные шариком — мчатся навстречу врагу. Они пробиваются по узким каналам кровеносных сосудов, со всех сторон окружая незваных пришельцев. Они выискивают глубокие лапы — псевдоподии — и, захватив бактерию, убивают и переваривают ее. Там работают лейкоциты. Враг редко может пролезть через этот кордон. Но, страшная вещь, достаточно власти в кровь возбудителя чумы, и те самые лейкоциты, которые выискивались на другие бациллы, теперь в панике начинают отступать. Бацилла чумы вступает в кровеносные сосуды как по-

воластней козалин. Ток крови разносит ее по телу. Лейкоциты похороно освобождают ей дорогу. Вот в чем заключается страшная сила этой болезни. Не встреча препятствий, отряды бактерий растут и размножаются. Смерть теперь — только дело времени. Чума собирает силы для того, чтобы нанести последний удар. И она наносит его, когда наступают врачи.

Чума

Все это рассказывала микроскоп. Невеселая тяжелая повесть. Одна из самых грустных повестей, какую когда-либо самшвали ученые.

Но ученые не сложными орудиями.

У французского врача Жерара случайно оказалась пробирка с ослабленными, выродившимися чумными бактериями. Жерар попробовал вызвать иммунитет в организме морских свинок. Он привил свинкам ослабленные живые бактерии чумы. Часть животных погибла, но

Они должны были бы быть начеку двойной и тройной, потому что теперь не только крысы и суслики, а гораздо более мощный союзник появился у черной смерти: за рубежами страны, в тихих лабораториях бактериологов, размножалась огромная армия чумных микробов. Цивилизованные варвары перечитывали книги и рассказы об эпидемиях, о действии чумы. Вот именно такой союзник нужен был фашистам. В статьях военных стратегов проглядывали мысли о бактериологической войне. Отрывочные известия прорывались сквозь цензурные решетки. Защищенные стенами лабораторий, ученые выводили

Доктор Магдалена Петровская.

ослабшие сделавшись невосприимчивыми к чуме. Нужно было сделать дальнейшие эксперименты. Жерар решил перенести опыт на человека. Это был очень опасный эксперимент, и французский врач для первого испытания действия прививок выбрал прокаженных.

Но даже эти жестокие эксперименты не дали науке настоящего оружия в борьбе против чумы. Эпидемия показала, например, что при легкой чуме иммунитет не действует. «Черная смерть» продолжала собирать свой урон. Она металась вблизи границ Советского союза, по степям Маньчжурии, Сивильяна, Афганистана.

И врачи-чумологи, охраняющие наши границы от сланного, смелого, веде производящего врага, должны были быть начеку.

Прививка чумы морской свинке.

Квадратными чумными бактериями были заключены в аirtight стальные камеры. И тут, в тихие лабораторий, люди открыто говорили о моменте, когда они откроют дорогу смерти.

— Все ли готово? — торжественный вопрос ученых зазвез.

В лабораториях росла и размножалась армия бактерий, значит, надо было торопиться с подготовкой и обороной. И советские врачи почувствовали себя пограничниками. Они заботились быть достойными мужественных людей пограничных застав. Границам стран должны были стать так же недоступны для бактерий, как неприступными они для видимого врага. Этого требовала родина.

„РУЧНАЯ“ ЧУМА

Когда советский врач Магдалена Петровская начала свою работу в противочумной станции г. Ворошиловска, она решила не доверяться случайно. Жерар нашел ослабленную культуру случайно. Каждую минуту он боялся, что эта недолгая форма чумы, неизвестно как возникшая в его пробирке, перейдет в нормальное, ядовитое состояние.

Петровская хотела сама создать, вывести ядовитую, «ручную» породу чумы. Волк и собака врозь были от общего предка. Но собака верно охраняет стада человека от своего дядьки брата. Вот так же Петровская решила создать свою «ручную», ядовитую породу чумы, послушную воле экспериментатора.

Доктор И. С. Злank.

все более ядовитые породы бактерий. Словобоязнь облеклась в стальные пробирки. Микроскопы, ложные из крошечные зенитные орудия, стояли на столах.

Это была смелая идея, идея советского гражданина, верящего в силы человека.

Мичурин изменял растения. Дачки, дававшие неуклюжие, горьковатые плоды, а его слуги сгибались под тяжестью ароматного золотистого урожая.

Цуцзин скрепящая лбы широк о злами, и поглядывая новые сорта многолетней пшеницы.

Зоологи охотились в горах Турмении за куланом — диким ослом, — чтобы создать новую породу сильных быстрых домашних животных.

Шла эпоха подлинной передачи природы. И миссия Покровской была провозглашена введением этой начинавшейся волной войн с природой.

Но было надо осуществить. Необходимо найти путь к выведению «ручной» породы чумы. Ученый должен уметь балансировать теоретические мысли превращать в железную реальность фактов. И, думая над своей идеей, Покровская вспоминала о враге, которого имеет всосудила чума. Он невидим даже под микроскопом.

БАКТЕРИОФАГ — ПОЖИРАТЕЛЬ БАНТЕРИЙ

И все-таки он существует, борется с чумой, побеждает, уничтожает неустрашимую бактерию «реин». Речь идет о бактериофаге—пожирателе бактерий. Если заразить культуру чумной бактериями бактериофагом, большинство бактерий умрет. Те, что выйдут из сватки, навсегда остаются уродами, неспособными на свои сородичей. Вот из этих-то уродов и можно отобрать негодную породу чумы — породу авантюристу, как говорят ученые, — словом, чуму, не имеющую жала.

Именно так пять лет назад врач Покровская вывела гадкую бактерию АМР, ту самую чужую чуму, за которой охотились многие десятилетия исследователи.

Лейкоциты (белые кровяные шарики), в панике отступившие перед настоящей чумой, смело набрасываются на культуру АМР. Быстро кончается горючая сватка. Уже через несколько часов самый внимательный исследователь не сумеет найти АМР в тканях человеческого тела. Отряд врага разгромлен, уничтожен. Даже огромная доза — 72 миллиарда живых бактерий АМР — не приводила к смерти морской свинки, очень чувствительной и чумной бактерия.

Расправившись с АМР, кровь приобретает иммунитет, то есть силу, нужную для того, чтобы победить настоящую чуму. В опытах на сусликах и морских свинках были получены хорошие результаты. Только одна свинка, в опытных целях подвергнутая особой, истощающей диете, погибла при иммунизации.

Почти пять лет трудной, упорной работы за ними эксперименты. Пришло время последнего испытания. Ученые знают, что бактерия, безобаянная, например, для курятины, в состоянии убить человека. Культура АМР могла заразить человека настоящей чумой.

Но могла она и создать иммунитет. Шансы на удачу были велики. Но только опыт мог решить вопрос. А для опыта надо было рисковать жизнью человека.

Колла и Стронг брали преступников, осужденных на казнь. Жарко испытывая свои прививки на прожженных. Мы передаем преступников и лечим больных прожогом. Мы бо-

ремся за жизнь каждого человека нашей страны.

— Нужно повторить эксперименты на обезьянах, — решил Наркомат здравоохранения.

Но обезьяны не ждет. Люди в корчменных звонках открыто говорят о войне. Они готовы совершить самые кровавые преступления, чтобы достичь своих целей.

Покровская считала, что она не имеет права ждать.

ДВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖИЗНИ

Покровская решила испытать действие прививки на себе. Ее друг и товарищ по научной работе — доктор Эрлик — тоже потребовала права участвовать в этом опыте. Покровская и Эрлик решили, что создавая ими культуру АМР — не враг, а верный друг человека. Покровская и Эрлик рисовали свой жизненный тогда, когда она находилась в особенно радостной, чудесной, большой. Это было мужество пилота, ведущего воздушный корабль через незнакомые просторы над холодным, ледяным морем. Он верит в свою машину и в свои руки. Он любит жизнь, счастливую жизнь. Но он знает, что смерть тоже угрожает ему.

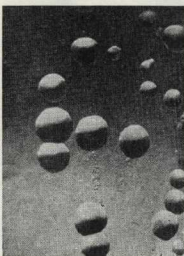
Это было мужество оптимизма, веры в жизнь, творческое, великое, советское мужество.

Опыт начался 8 марта. По всей стране шла праздники: народ отмечал женский день.

Шла весна. Реки разрывали ледяную броню Новой, счастливый, весенний день встала над страной.

У Покровской болела голова: у нее была грипп. «Еще лучше», — подумала она. — Я узнаю, опасна ли культура АМР в союзе с возбудителем гриппа».

Покровская набрала в шприц 500 миллионов бактерий и ввела себе под кожу. Теперь она могла только наблюдать. Вечером температура поднялась до 37,4°. К двенадцати часам ночи на месте укола появилось большое красное пятно. На другой день температура достигла 38,7°. Пятно расширилось с каждым ча-

Культура АМР под микроскопом.

сом. Шла борьба. Трудно было решить, как окончится это сражение.

К вечеру температура упала. Покровская ощущала легкую боль и огромную радость. Хороший теплый, весенний ветер дул в открытое окно.

17 марта Покровская сделала себе вторую

прививку, а доктор Эрлик — первую. Этот опыт тоже окончился благополучно.

И когда в Москве Покровская рассказывала о своей работе, она закончила доклад горячими эмоциональными словами:

— Я хочу, чтобы вы помнили, что я не была самоубийцей. Честное слово, я не хотела на самоубийцу. Это очень сильно любил меня. И, конечно, я не была убийцей. Я продолжала опит на себе и докторе Эрлике потому, что верила в культуру АМР. Верила, что она надежная, хорошее оружие против чумы... И оно не обмануло меня, — добавила с улыбкой Покровская.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ, ТОВАРИЩИ!

Когда Покровская говорила, в комнату вбежала курьер и принес сообщение. В телеграмме была хорошие вест: опыты продолжались и давали новые значительные результаты. После Покровской выступила доктор Жуков. Он рассказывала, что саратовские бактериологи вывели новую расу «ручной» чумной бактерии. И еще одна известная старая специалистка сообщила, что у нее давно уже развилась негодная форма чумы. Только она не получила о практическом значении этого открытия.

— Что же, — сказала ей молодые товарищи. — Не поздно подумать и сейчас.

Наступление продолжается!

Будем топить, авалать, совершенствовать свое оружие против чумы, чтобы оно действовало точно и верно, как выстрел в рукав снайпера.

Будем работать!

— И будем фантазировать, — добавила Покровская. — Нужно смелое искать новые пути. Я думаю, — сказала она, — бактериофаг поможет нам вывести не только «ручную» чуму. Почему не попробовать создать аналогичные формы возбудителей тифа и дизентерии? Я хочу попытаться переделать все это проклятое царство болезнетворных микробов... И когда мы победим в пробирке, можно будет начать широкое наступление на природу. Суслики разносят чуму по степям. Мы создадим фабрику бактериофага и будем рассылать его самолетом. Бактериофаг попадет в кровь миллионов грызунов. Чумная бактерия, которая через многие столетия пронесла свою мощь, начнет вырождаться. В теле суслика возникнет та же форма АМР, которая пять лет назад мы получили в пробирке.

Тогда настоящая чума вымрет, как вымерли мамонты, как исчезли чудовищные ящеры. И культура АМР будет напоминать о столетиях царствования чумы, как маленькая ящерка, быстро перебегающая дорогу, будит воспоминания о своих древних огромных родичах.

Если враг, сохранив чуму в пробирках за стенами лабораторий, попытается вынестись ее на поле сражения, мы найдем средство защиты. Бактерии должны будут пробираться через ады, засеянные бактериофагами. И бактерия погибнет.

Союзные армии «оригиновой» и «черной смерти» должны будут отступить. Мы же отадем им ни одной пяди нашей земли.

Вот о чем мечтает доктор Покровская. Опыт, который она проделала 8 марта, только шаг в ее увлекательном героическом труде. И врач Покровская торопилась домой, потому что надо было думать, творить, работать...

ТРЕВОГА

Рассказ ЕВГЕНИЯ РЯБИЧОВА

Рисунок Д. КРАСИЛЬНИКОВА

Вместе с ключом от номера летчик Зверев получил выдворившийся противояд. Почтительный портье, заместивший легкое недоумение на лице нового жильца, старательно разъяснил ему правила гостиницы:

— Мы город приморский, пограничный, мы гостиница образцовая, и каждый являец получает у нас все необходимое.

Размышлительным шагом Зверев поднялся на второй этаж, сложила чемоданы и бросился на диван. После девяти суток утомительной поездки к берегам Тихого океана радостью было чувствовать твердую, жесткую, не ощущая толчков и трясин курортного поезда. Молодой капитан вполголоса отпрыгнул над уменьшающимся экраном с горючей и холодной водой, вывалил комнату плеском. Вытирался, Зверев обратил внимание на объявление, висевшее на стене. Жандармы извещали о правилах противовоздушной обороны, давала инструкции, как надо обращаться с противоядием.

«Вот Дамский Восток! Граница!» — подумал капитан.

Зверев распахнул окно. На рейде, у бетонных причалов, стояли под чужеземными флагами тяжелые грузовые корабли. Голубую гладь бухты резали ветра и качка. Высокий пассажирский пароход — какавский экспресс — уходил в море.

Главную улицу, лежавшую внизу, пересекала реальная железная дорога. Они шли через весь город к порту. Под уличей, в бетонном канале, проходила поездка, обдавая пешеходов, троллей и автобусах клубами пара и дыма. Было шумно, как пассажирские и товарные составы то и дело вылетали под выдувал и замирали у гранитных стен санктского, отдаленного разрадного вокзала.

Зверев впервые был в этом прекрасном, трудолюбивом и шумном портовом городе.

Смутное представление о Дальнем Востоке, о тихоокеанском побережье, о джунглях и тиграх, сложившееся под влиянием некоторых книг, сейчас ломалось, таяло, становилось смешным, покаянд, даже жалким. Огромный город, порт и противоядие в гостинице никак не вписывались в экзотической тайгой и романтическим тиграми.

Довольный первым впечатлением от города, в котором предстояло жить и работать, знаме-

Голубые лучи уходили в небо и, кавадло, достигали планет.

«Вот и пограничные будни», — заметил себе Зверев.

По пути в штаб он вволю наблюдал ту же картину: милиционеры и автовожатые, кондукторы, лодочники и инспекторы — все носили sebou желтые сумки противоядия.

В штабе капитан встретил товарищей, с которыми учился в авиационной школе на Каче. Высокий авторский комбриг Петров, указавший в Звереве давнишнего приятеля, крепко потряс ему руку. Закончив дела, Петров поздравил Зверева в машину и повел через весь город в прибрежье весенние сады.

— Нет, ты посмотри нашу часть — это тебе не Москва! — повторил комбриг.

На первом летчик вышел из автомобиля. Петров, размахивая рукой, поздравил Зверева красной горло, далемне остров. В море, освещенном солнцем, чернели корабли. В жарком ветренном небе гудели едва видимые самолеты.

— Вот наш мур — это берег Тихого океана...

— Тут не легко летать, — заметил Зверев, — рутром сопки, сваям, море...

— Да, сначала очень тяжело было, — сказал Петров. — Сложно машин сломали. Три — четыре года назад берега эти были пустынями, незажившими. Теперь — другое дело: наш город стал железобетонным островком, о который ломают зубы всякий, кто попробует его куснуть.

Машина втянулась на аэродром, скрытый в сопках. Не заходя в аэропорт, Зверев направился к самолету. На бетонных площадках в полной боевой готовности стояли аэропланы.

Голубые, яркие глаза комбрига сверкали от удовольствия. Он рад был показать знающему товарищу боевой пограничный аэродром, познакомить его с летчиками, штурманами и свайперами.

— Здесь вволю была тайга, — говорил комбриг, обводя рукой линию горизонта.

Петров поздравил места, где происходили вынужденные посадки, аварии, рассказывал о настойчивости и смелости летчиков, изучившихся в совершенстве летать над тайгой и морем, о воздушных свайперах, разбивавших без промахов мишени.

— Обратите внимание на эти машины, — сказал комбриг.

У краевой черты стояло несколько истребителей с работающими на малом газу моторами. Летчики, привязавшись ремнями, сидели в кабинках, готовые по сигналу возникнуть в небо.

— Это наш первый шкелон истребителей. Как видите, мы держим машины с работающими моторами, — объяснял комбриг. — Сейчас время тревожного, свидетели на границе стали часты — приходится все время быть начеку.

За первым шкелоном истребителей, способных в течение нескольких десятков секунд подняться в небо и грудью встретить врага далеко за пределами города, на аэродроме стояли самолеты второй очереди: грузовые бомбаны и готовые к стрельбе пулеметами, они только ждали запуска моторов.

Вечером, ужиная в ресторане аэропорта, Зверев слушал рассказы комбрига и летчика. Перед ним все вконец подымалось знание из героической истории дальневосточных авиационистов, историй, полной безмизерного натиска, мужества, трагических неудач и блистательных побед.

Стояла уже ночь, когда капитан Зверев в сопровождении комбрига вышел на аэродром.

Над сопками летела звездная тикооскаякая полярка.

В свете прожектора вырисовывались массивные тела самолетов.

Босая, напряженная ладонь не утихла с наступлением темноты. Где-то высоко в небе пала бомбардировщик. К сонму звезд присоединились сигнальные огни воздушного корабля. Невидимый, слившийся с небом, самолет труба над сопками излучала авиационную песню...

Комбриг с высаженным выдыхом свесил ночной воздух. Зажавив голову и широко расставив ноги, он стоял на бетонированной площадке, весь поглощенный наблюдением за кораблем. Зверев поддался очарованию ночи и тоже стал полубыльшим...

Неожиданно над аэродромом пронесся резкий звук sireны. Комбриг, подтянутой, спокойной, сплелся в штаб части. Навстречу ему летел истребитель:

— Товарищ комбриг, на ваше имя приказ!

Первый шкелон истребителей, получив по телефону задание, немедленно поднялся в воздух.

Летчики, механики, штурманы, воздушные стрелки мчались к машинам, вооружали самолеты, запускали моторы.

Из казарм бежали парашютисты: строятся около машины, они осматривали друг друга, заканчивали крепление оружия.

Валы, на сопках, поднялись огненные мечи прожекторов; они возманили в небо, рассыпали голубой свод на квадраты, треугольники и круги.

— Тебе в штаб, в город, — сказал комбриг Звереву, убежавшему в комнату.

Шофер надел противогаз, натянул резиновые перчатки. Поднявшись на каменный гребень переклада, Зверев увидел сверхающую чешую моря, подчеркнутую мрачной темнотой сопки.

— Стой!

Перед машиной встали красноармейцы с искривленными штывками, в противогазах. За их спинами, в стороне от дороги, гудели прожекторы. Голубые лучи уходили в небо и, зава-

лось, достигали плавств. Звесь все сияло, шипело и дрожало от работающих электрических станций. Как будто солнце сбросило часть своего тела в этот уголок сопки и уничтожило тепломиуту.

Выше, на сопках, вырисовывались черные уши звукоуловителей.

Зверев сообщил пароль и предъявил документы.

Штыки опустились. Дежурный сигнальными флажками показал путь к городу.

Капитан заметил, что над сопками и около берега поднимались грузовые тела аэродромов, Летчик тотчас определил назначение воздушных шаров: они несли металлические сети для ловли чужих самолетов.

«Кажется, дело серьезное...»

Глаза, привывшие к темноте, обнаруживали движение на сопках, в падах и на перевалах. Каждый километр имел свое назначение, свое оружие для истребления врага.

В гигантских бетонных чашках беснутому двигались длинные стволы орудий. Наканите кнопки — и раздвигались металлические люки и черные дула упирались в небо. У исполненных пушек, воле которых человек казался пигмеем, встала на высту большинства бдительность.

В городе стоял мрак. Одновременно были погашены огни в домах и на рейде. Радиорупори, установленные на крышах зданий, предупреждали население о внезапном вторжении врага. По улицам двигались патрули в противогазах.

За городом грохотали орудия. Началась палба. Радио сообщало о прорыве части неприятельских самолетов, приближавшихся к городу.

Директор передавал инструкции и распоряжения, указывая, бойни население.

В сопровождении прожекторов в разных местах показались неприятельские самолеты, ластягались красными истребителями.

Сопки дрожали от залпов. Пальба начавшая с бронированных палуб кораблей. С протяжным воем промчались поварные автомобили и кареты «скорой помощи».

Зверев бежал по каменной лестнице в штаб, размещенный под землей.

— Товарищ начальник штаба, капитан Зверев прибыл в ваше распоряжение.

Из-за пульты управления поднялся начальник штаба. Он поздоровался со Зверевым, пригласил его есть.

— Ну, что вы видите? Каково ваше впечатление? — спросил начальник и протянул гостю свежий листок бюллетеня:

«Сигнал учебной тревоги дан был в 12 часов 03 минуты. Сообщение городу о воздушной налете и выключение света произведены немедленно. В авиационном Ким-Иванов, Зуев и Подольский обнаружены взорванные лампы, каждый из них остротрафов. Желты 191, 203 и 65 неудовлетворительно подготовились к противоавиационной обороне.

Подъем истребителей и скоростных бомбардировщиков произведен на «отлично». Бомбометание неприятельской территории и высадка десанта оценены «отлично». Зверев подошел к начальнику штаба и гордо пожал ему руку.

— А я думала, война, — сказала летчик. — Со злости чуть не кусал руки: приказал подпол, не знаю места... Уж я бы крепко пововаала.

Я приеду осенью на роты. Ты в окошко на меня взгляни, выйдя за тесные ворота, походи у весны в тени.

Через заросли стальной есоки, шапироу меж зубов вакана, я приду, везокий и высокий, черен волосом и молаовая.

Расстало шившал, и на пригорове поосиди. Рассказан нет часа. Пакнет полуден, осенней горюшкой. Где-то здесь споридина росла.

Вот река и берега крутые. Снежно дробя, уларан в листу влоды талыема, лите. Я тебе споридином нарву!

Ночь рассыплет золотые слития звезд, затнет лесною мошкара. Я с тобой расстанусь у калитки, у забора твоего двора.

И уиную: туку разрываю, колени ударяю в стога. Ты выходи, звезда в ночь передова, пограничная застава на врага.

Дождь. Окошко черные овраги. Гром. Штыки косые острие. То выходи, втерне приснег, верные отдаление нос.

Пулеметы, штурота связи — резкий ветер с десяти сторон — на рыхл идет от нововая, чуть ваяется в седах, аскардов.

Там. Но режут небо до рассвета «алюсова» голубые лезвия. Мм — в вставе. Сил. Савастова, девочка любимая моя!

Я пройду по ушам колхоза. Лету сваты: вынотка под рукой! Ночь идет своим порядком: звезды, как ракетки, рвутся над рекой.

МАТЬ

В почетном карауле у прама Максима Горького стоял П. А. Заломов. В прошлом — рабочий, один из руководителей сорванной партийной организации — Заломов был изображен Горьким в романе «Мать» под именем Павла Блосова, а его мать, работавшая в организации, равнинская литература, включена в генезисного писателя в составе одного из бесчисленных образов русской литературы, образа Пелагии Ныловны, матери.

Чезов, задыхавшийся в дулоте русской жизни, не мог увидеть выхода из тупика. Младший современник Горького, Леонид Андреев сел свои книги мучительными пессимизмом.

Максим Горький так писал в одной из статей о писателе: «Он хотит промариать мучителя и мученика, он хотит оправдать себя за близость с мучителями, за безстрашие свое к страданиям мира». Большая часть из служит как раз прямо, меня на — косяно — проповедью терпения, примерия, поощрения, оправдания... Это — преступная работа».

Горький же был тесно связан с жизнью, с борьбой. Он активно участвовал в партийных выступлениях и материальных выступлениях и материальных. Свой роман «Мать» он написал в 1906 году в Америке, куда был направлен партийка для сбора денег в помощь революции.

Роман «Мать» — правдивое воспроизведение процесса революции. Он как бы художественно иллюстрирует те вопросы, которые Ленин осветил в своей работе «Что делать?». Он изображает «стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение и сознательная борьба, и сознательная социал-демократическое теорию революционной модели, которая равна к рабочим». (Ленин «Что делать?», т. IV, стр. 385).

Варьничную силу романа сейчас же заметила цензура. Сначала она изуродовала роман, потом на сборники «Знамен», в котором роман печатался, был наложен арест. Против Горького было возбуждено судебное преследование за распространение сочинения, «возбуждающее к совершению тяжких преступлений, вредящее рабочим к имущим классам населения, подстрекающее к бунту и совершению бунтовских действий, а также к возмущению». В полном виде роман появился только после революции.

Ленин оценил роман с присущей ему гениальной провидительностью. Владимир Ильич прочел его еще в рукописи. Горький так вспоминает свой беседу с Лениным на конгрессом 4-й делегации, а мае 1907 года:

«Я сказал, что торжасна написать книгу, но — не успел объяснить, почему торжасна... Ленин, утверждая ценность моего романа, объяснил: это очень хорошо, что и писателя, книга — худшая, много рабочих, участвовало в революционном движении сознательно, стихийно, и теперь они предпочитают «Мать» с большой пользой для себя. «Очень своевременная книга». Это была единственная, но крайне ценный для меня его комплимент. Затем он деловито осведомился, переводится ли «Мать» на иностранные языки, насколько популярна книга русская и американская цензура, а узнав, что автора решено признать к суду, сначала — в тюрьму, а затем, вышедшего тюрьмы, закрыть глаза, замаскировал как-то несоборительным словом...»

...Ленинская сила была прохорошеская. Страна Россия уже была опущена. И роман «Мать» был судом над ней...

Своим неугасающим значением роман обаял не только прираженному воспроизведению классовой борьбы и роста революционного сознания масс.

Во всей русской литературе, да, пожалуй, и в мировой нет столь значительного образа матери, как образ, созданный Горьким. Такой тип женщины могла породить только революционная борьба. Именно поэтому тип горьковский матери является и провозвестником идеального типа матери в социалистическом обществе.

Свидание с сыном (кадр из фильма В. Пудовкина «Мать»)

До Горького литература обычно изображала мать как участницу извечного, постоянного столкновения «отцов и детей». В горьковской «Матери» нет ни следа антагонизма двух поколений.

Мать Горького живет не ущербной любовью к сыну, направленной только слепым инстинктом, а любовью сознательной. Она признается любовью и делу, к подвигу жизни своего сына, и, наконец, посвящает себя этому делу так безраздельно, что вкладит в ним все свое воплощение материнской любви и преданности. Радость общественного служения уже нельзя отделить от естественных чувств матери.

С замечательной силой и проникновенностью психологического анализа Горький показывает эту скромную женщину, ее превращение в деятельную участницу революции, в подлинную мать, мать не только своего сына, но и всего угнетенного класса. Не даром почти на всем протяжении романа Горький именует ее не по имени и отчеству, а матерью.

Для такого величественного образа Горький избрал тип радовой, скромной, измученной жизнью женщины. Такой же и видна Пелагия Нылова в начале романа, Муха Нылова не забыла фабрика, он спускал и умер. Ее сын, Павел, едва не пошел дорогой отца. Нежно и заботливо она сумела его подрастить. Но

все же между сыном и матерью не было близости, как была близость ее с своим сыном.

Но вот Павел постепенно втягивается в революционную работу. Он признается ей в этом, не скрывая и грозившей опасности. Гордость и страх за любовь к сыну отпадают из. Но любовь выставляет превозмощ страх. Она ставит сообщившей сына, по крайней мере, том, что не мешет ему. При этой прохороше, комический образ товарища Павла.

Приходит первое испытание — обман. Говорит Павел арестованном. Павел расстроен тем, что он не расцеловал участы товарища. И она, лучше всего страшилась — за судьбу, уходит его:

— Погоди, — возьмут и тебя!

— Павел почувствовал его боль и утешил. Павел подтвердил:

«Возьмут!»

И тогда ей стало грустно:

— Эний ты, Паша, суровый! Хотел бы ты когда-нибудь увидеть меня! А то — я скажу странно, а ты еще страннее.

Вот и все коллизия. Это все еще трудно принять, как была она покорной иной, но здесь зародилась новое — та самоотверженность, с которой позже отдавалась она революционной работе.

Ее радость — обаяние с сыном заключается в ответственного поручения — нужно передать тайную записку в город. И тогда сейчас же после этого фабрика поливается и Павел обрывается с речью к авантюристам рабочим, она уже не может быть исторической артистичной. Пробивая и сыну своего толку, свой радом, след за ним, она испытывает прилив не знаемой гордости. Вторично явилась жадарям, но ей уже не было страшно. Даже, когда сына арестовали, она не утисалась до слез и просьб, а только силала его ругать:

— Да свидания, Паша. Все вака, что надо!

Только, когда его унесли, она села на асфальт и, закрыв глаза, тихо заплакала. Она уже понимала сына, понимала, да что он борется, понимала, что он привлекатель и одной ей.

Арест сына терзает ее как с революционным делом. Она уже не просто заботливая мать, охраняющая сына. Она становится активной. Она различит лазейку, поддерживает связь с товарищами Павла, учится грамоте. Так сын «сродил» мать.

Была яркими, утверждающая, что деятельно. Ныловым всецело отдается любовью к сыну. Это поверно. Она и сына любит еще больше потому, что он повисил себя делу, которое она полагал, в которое поверила. Она еще не вполне понимает себя.

— Не читал она, вака бабля любовь! — говорит она Андрееву, товарищу Павла. — Любим мы то, что нам надо. А вот, смотри я на вас, — о матери вы топкуете, — зачем она вам? И все другие люди за народ страдают, а вы как будто и в Сибирь, умирают... Детушки молодые колотило, один, по грязи, по снегу, в дождь, — идут семь верст из города к нам. Кто их гонит, кто гонит? Любовь она! Вот она — чисто любовь! Воротит! Воротит! Андреев! А я и не умею так! Я люблю свое, близкое!

Но она сама уже полюбила испытательных этой «чистой любви» и прощания. Андрей сам говорит: «Да, она молчит. Она уже сама гордится участием в революционной борьбе и на свиданиях с сыном не позволяет ни призрачного страдания, ни поворота. Все товарищи Павла, открывшие ей причину несчастья ло-

дей, стали ей близки, дороги. И вместе с тем она чувствует, что сама виновна многим.

И Павел почувствовал новую любовь и матери. Вернувшись из тюрьмы, он поблагодарил ее: «Спасибо, мама!» «Христос с тобой! За что?» Павел ответил словами, в которых ключом во всю образцу матери:

«За то, что помогла великому моему делу, спасибо!.. Когда человек может и завести мать свою и по делу родной — в то редкое счастье!»

Павел имел право назвать свою мать родной по духу. Мать не поставила свою любовь к нему выше его дела, а сама отдалась этому делу и переискала свою любовь за него. Она и сама рисовала, работая подолбно, и твердо, уже без страха, смотрела в глаза опасности, внезапно грозившей сыну. Она готова была бы увидеть его даже мертвым, если бы это повыводилось.

Правда, иногда ее еще охватывало беспокойство за участь сына. Павел объявлял ей, что будет участвовать в первоймайской демонстрации. Он ласково пытался объяснить ей, что это нужно. И, вместе с тем, он упрямил ее: «Когда будут матери, которые и за смерть пошлют своих детей с гордостью? Трогательно звучит ее ответ: «Разве я люблю что-нибудь!». Я тебе не мешаю. А если сделаю мне тебе, — это уо материное...»

Мать все больше и больше понимает величие и важность дела, за которое борется Павел. И чем больше она понимает его, тем глубже становится близость матери и сына, тем меньше ее опасения...

«Если бы ты почувствовала всю эту мерзость и позорную гниль, — ты пошла бы нашу правду, увидела бы, как она велика и светла!» — говорила ей Павел о жизни, против которой он борется. «Подожди, Паша, — подумай! — далахья пробормотала она. — Я постою... — подожди!»

И мать вместе с сыном выходит на первомайскую демонстрацию. В ней нет тревоги ни за себя, ни за сына. «Надо хоть перед смертью рядом с правдой погулять!» — говорит она.

Демонстрация закончилась нападением солдат, яростом рукоприкладств. Агостовыми были и Павел и Андрей. «До свидания, мама! До свидания, родная...» — крикнула ей Павел. И мать старалась увидеть облож, и обном она отвечает: «Родные мои... Андрюша! Паша!»

Разве не новая любовь завладела ею? Разве исклчательно любовь к сыну вымалась в этом воляге?

И как тихо отступает Горький новый характер любви матери, заставляя ее сначала произнести имя Андрюши, а потом Павла. Смы уже перестал быть для нее единственной, исключительной фигурой. Мать, думая о нем, думает и о младше одной с ним судьбы. Еще раз подчеркивает это Горький в ее покаянном и простом размышлении: «А Паша сидит. И Андрюша...»

Рассказывая с гордостью о сыне, о его работе, она прибавляет, собирая как, что видела светлого и чистого, в один угол, ослепший ее своим чистым горением... «Уж из много родилось, тысяч людей, все больше рождается, и все они, до жонца своего, будут стоять за свободу для людей, за правду...»

И как спокойно, хотя и вздрамая, вслушивается она, что Павел не хочет смириться от суда, потому что суд он решил превратить в демонстрацию: «Ну что же? Он знает, как лучше...» — а потом уже говорит: «Ничего! Пусть судит!»

Ее чистую любовь, ее веру и преданность революции чувствуют и другие. Смы воспринимает ее «любовным сердцем», товарищ его Николай думится с ней своей тайной печалью.

Перед судом опять чувство страха охватывает ее. Но на суде, который она представляла себе иначе, на котором она увидела не тлещу правды слева с правой судьей его, а безразличные и бессмысленные вопросы о немощно известных фактах, страх loneliness ее. Она испытывала теперь только удивление и любовь к обвиняемым, злодхам, упертым в себя, слепым.

Ее страх был вызван не личной тревогой за судьбу сына, а ожиданием, что здесь вынесится, на чей стороне правда, — вот отчего ей было страшно.

Прогорю — «на последние» она встретила спокойно: «Я ведь — знала».

«Мать хотела увидеть грозной смелу и всем Хотелось заплакать, но было совсем...»

Вторая сторона ее натуре настолько открыта, что она уже могла стерпеть «материнские», богатство и глубина образа матери — в последней ее психологической революции.

Через любовь к сыну приходит она к сознанию неудовлетворенности, от неудовлетворенности к протесту, от протеста к развитию классового сознания в борьбе, формирующей ее волю.

Последняя сцена романа — истинный апофеоз матери-революционерки. Ее связывают издательства в то время, как она раздает листовки. Она знает и толще, возмущая ей правду, с которой никто не может спорить: «Не бойтесь ничего! Нет музыки, горше той, которой вы всю жизнь дшеете...» Ее बात, она сопротивляется, крича, что они «не займут кровью разума», «моряки крови не укажут правды...» Жандал связана ее за горло и стал дунуть. «Она кричала... Кто-то ответил ей громким риданьем».

Пошление, нежность, любовь вызывает в читателя трогательный образ матери, простой рабочей женщины, самоотверженно пошедшей в революцию, увидевшей в ней глубокоую и светлую правду.

Мать-революционерка, разнуздавшая тесный семейный очаг во имя общего блага, ставшая смелой бланкой по духу... это прежде всего настоящая мать.

То, что она пришла в революцию через любовь к сыну, лишь возвышает ее материнскую любовь.

В наши дни, когда так возрастает роль матери, когда укрепление семьи тесно связано с вопросами воспитания, образ Нилыовым приобретает особое значение. Роман Горького читает и переживает миллионы людей, и в особенности те, на ком лежит забота о воспитании нового поколения...

А. КИПРЕНСКИЙ

Не забудется этот человек

(РЕЧЬ ПО РАДИО АННЫ КИРИЛЛОВОЙ ЗАЛОМОВОЙ)

Мне очень хотелось поехать в Москву на похороны Алексея Максимовича.

Посмотрела бы на него, хоть на мертвого, поговорила бы его в последний раз, помнила бы нести урну до Красной площади. Да вот стера стала: слабое, недомогаю.

Видела его я в первый раз, помню, еще ребенком лет пяти. Пришла его тогда к нам его мать — Варвара — как раз после смерти отцу Алешу — Максима. Пришла и говорит мне: «Вот привела своего сиротничку. Остался слабое муже».

А в последний раз вспомнил обо мне Алексей Максимович недолго до своей смерти. Пришла мне подарок, наказывала долго жить».

Я многим обязана ему, особенно за сына Петра. Помогла он ему всегда, всегда жизнью

А. К. Заломова, мать большевика П. Заломова, послужившая Горькому прообразом героини романа «Мать».

его интересовало, здоровьем. Както встретились они, Петр и говорит Алексею Максимовичу: «Если случится что, я за вас вриду встану». А Алексей Максимович отвечает: «А я за тебя». Так вот всегда крепко стояла он за рабочего человека.

Прекрасное у него было сердце. Я хоть и слаба стала на глаза, но често чтею его книги. Читая и думаю: «Нет, никогда не забудется этот человек!»

Прощай, дорогой мой! Прощай, Алексей Максимович! Прощай, сынок! (Последние слова Анна Кирилловна проносит сквозь слезы. Потом, пролежав минутную слабость, она твердым голосом проносит у микрофона: «А память о нем никогда не умрет!»).

Очерк ЕЛЕНЫ КОНЭНЕНКО

— Не правда ли, у меня уютно?

В первый год своей совместной жизни Роман и Надя отвыкались от мысли о ребенке, потому что им хотелось быть как можно больше вместе.

— Поищем, — жарко говорил Роман, — ребенок сейчас разорвет все наши планы. Мы с Надькой собираемся зимой побегать по театрам, по каткам. Я хочу Надьку поздравить со своим товарищем по Институту. К нам будут приходить друзья... А летом мы поедем на Кавказ.

Старуха Полина Ивановна, мать Романа, которая часственно заглядывала к сыну, поскорее выдохнула: она давно мечтала о внуке. «Ну да, конечно, он и прав, Роман-то, ну свой первый годок молодое погуляют».

Прошло две года.

Меня стрижка мать Романа на бульваре. Была весна. Орал воробей. Луки были синие. Полина Ивановна сидела на скамочке с розовой в рукава. Боже же неграл крошечный мальчик в синем колпаке.

— Полина Ивановна! Подариваем вас с внуком! — закричал маль.

Старуха печально улыбнулась.

Нет, это не внук. Это просто мальчик иезуитки, которая сидит на соседней скамочке. Такой разговорчивый карапуз. Говорит си бабашка и предлагает отведать вырочек из гамбургера.

Полина Ивановна вздохнула. Мы поняли, что задела болячку струнку старой иезуитки, и нам стало веселее. Но Полина Ивановна заговорил сама:

— Разве дождались от них внушка? Позапрошлый год они говорили, что салютком хлеба тереть из двух комочков в новом доме. Но ребенка и в помине нет. Эх, да что тут гурторить! Не ходят они, и деду яонец. Глаза бы мои не глядела на их жизнь. Какая это жизнь без ребенка? Один храм...

— Да они, верно, заедят очень. Полина Ивановна, — успокаивали мы старуху.

— Занятия. Я про это ничего не говорю. Романы работают хорошо времени получают. Надя изучает иностранные курсы кончила. Да это не занят, матушка моя? Что ты мне эря говоришь-то! Что ты за них выступаешь-то!

Старуха рассердилась и в сердцах спросила: куда тебе конюшню с дубом.

— Нет, я так попросту скажу: баловство одно! Стыдится себя нежелательно им. Друг для друзей только и живут. Принимаем, матушка, к салютному... Тут, там, на ребенка принахос бы тратиться, а ей, Надежде-то, еще одно платье надо...

Старуха торжмо усмеянулась:

— Да я и его не зваюю. И сын хорош! Да

сапога пара. Приди, приди к ним в выходной день-то. Оба на диванчике с вязанками драгун, пооди им плащи!

Мы ушли, как могли, расстроив старуху. Роман и Надежда все же очень заняты... У Романа, помимо его инженерской работы, много общественной. Надя тоже работает. И они еще молоды. Ребенок, конечно, еще будет...

А этой зимой в магазине «Гастроном», на улице Горького, мы встретили Романа. Высоким, крепким, в кожаной куртке с меховым воротником, он стоял у витрины «новогодних подарков для детей», которая блистала шоколадными бомбашами, разряженными мишинами, паянками. Он вертел в руках красострою конюшу в розовом плюшевом платке и а соломенной шляпке.

— Сколько лет, сколько зим! — вскричал Роман.

— Да, давнечко не выдалась... Ну, кажется, у вас болячки перемены... подменили мы в сторону иезуитки... Сын вам дочь?

— О, нет! — расхохотался Роман. — Это я своей дочке...

И мы увидели в толпе покупательниц Надю, которую приоблачили к нам коротенько улыбающе. Это мне! Всем папы и мамы сегодня покупили иезуитки, и я сказала Роману, что он тоже должен купить мне что-нибудь...

Она извлекла из рук Романа конюшу.

— Ах, какая чудная конюшья, — пробела Надежда. — Роман, а тебе мы купишь бомбу.

Продать, так продают!

Все это, конечно, было очень мило, и, благуя, мы вместе вышли из магазина нагруженные новогодними покупками.

— А мы думали, что у вас прибавление семейства...

Это счастье не для нас! — театрально воскликнула Роман. — Мы ведь честное слово, чертосного заняты. Жизнь такая напряженная, так много надо сделать...

Мы молчали. В душе стало досадно: Роман так рассуждал, словно он один только вместе со своей Надей и строит коммунизм, работает в полную силу, а все остальные заняты только собственным благополучием. Скажите, пожалуйста, разве самоотверженные люди! Прямо героизм, а не похотывала отступством, она — материнством ради общественных благ...

Мы распрощались на углу. Надя сунула записку с номером телефона.

— Вы должны непременно прийти! Непременно! — бормотала она спороговоркой — вспомни, бормотала. Горьким, даю Идараюшнику поинте, был такой мороженщик? Мы живем в новом доме... У нас ванна! У вас есть ванна?

Приходите к нам купаться...

— Побойтесь о комсомольских делах. Я ведь еще не отошла от комсомольца, — добродушно гуледа Роман. — Расскажу много любопытного. Предварительно созвонимся, а то, пишешь, всякие дела. Кстати, у нас есть такие чашечки (он взял изюмную одну глаз), из одного Вертинского конторки можно устроить!

Прощай, прощай, прощай бодро зашагала вперед.

Вспоминалось начало мастиной, оделомом. Надежда сосочила с тазы, сладко потягивала. Цурляла заспанные гавка.

— Здравствуйте! А в валдронну... Салютно времени? Негоди! Роман позвонил, что придет поздно; у него совещание... Тоска смертная его ждать. Как хорошо, что вы пришли. А у нас новости! У нас зимняя охота. Чудная по! Дядя Денис, на сметке лату миса, — болтала она обычной спороговоркой.

— Только он сейчас на дворе. Гулет с тасином соседям. Вы не видели? Подарил тасином соседи. Вы не видели? Подарил тасином соседи. Вы не видели? Подарил тасином соседи. Вы не видели? Подарил тасином соседи.

Надежда поправляла прическу, запянула перстеньки и стала с увлечением показывать нам свое платье.

— Этого красивей шифр мы приобрели случайно. Говорят, настоящий дуб Шифр для платья лежит в стене. Очень удобно. Вот ЭС, это примерован Роман, по повелению перстеньки завязки и стала с увлечением показывать нам свое платье.

— Этот красивый шифр мы приобрели случайно. Говорят, настоящий дуб Шифр для платья лежит в стене. Очень удобно. Вот ЭС, это примерован Роман, по повелению перстеньки завязки и стала с увлечением показывать нам свое платье.

— Этот красивый шифр мы приобрели случайно. Говорят, настоящий дуб Шифр для платья лежит в стене. Очень удобно. Вот ЭС, это примерован Роман, по повелению перстеньки завязки и стала с увлечением показывать нам свое платье.

— Это я своей дочке!

но. На будущий год мы непременно сделаем синие.

Надя продолжала показывать вещи. Ее лицо раскраснелось, оживилось. Глаза сияли радостью, видно было, что она чрезвычайно увлечена всеми этими своими жизненными удобствами и что они занимают очень большое место в ее жизни. От своей молодой женощине перешла к своему гардеробу. Она торжественно доставала из шкафа одно за другим темные и цветные платья, галстука берет, шуршала пошлом; ее пальцы жалко перерубали кружева, а арачки расширились и в выражении глаз заметно было даже некоторые колебания. Она рассказывала историю каждого платья и каждого куска материи: вот это принадлежало синаму в Атланте мод, это суконное (вагранничное) купили в воинском магазине, а иезуитское шлола портукан. Прекрасная картина! Только очень далеко от шифра, а в иезуитском магазине, а иезуитское шлола портукан. Прекрасная картина! Только очень далеко от шифра, а в иезуитском магазине, а иезуитское шлола портукан.

Мы слушали болютивно Надю с абсолютным равнодушием и оживались лишь, — да, думалось нам, — пожалуй, старуха Полина Ивановна.

Посмотрит, какой красивой зверь

(Окончание на стр. 24)

(Окончание)

была права: просто стеснить себя не хотят; боится нарушить тот ход жизни, который установился у них несколько лет назад... Держать кровать может испортить эстетичный вид картин... Беременность на девять месяцев испортит фигуру Надежды. Нельзя будет надеять новый костюм... Нельзя будет Роману некоторое время показывать свою жену во всем баске своим друзьям...»

Но все же, какая пустота в этой народной квартире. Какая здесь, по совести говоря, скука. Неужели Надежда никогда серьезно не задумывалась о том, как обогреть их личную жизнь эта, сочиняя сое и Романом творения «ванитости», теория, по существу, совершенно фальшивая, насквозь пропитанная мелким эгоизмом.

И сколько им, этих парочек! Каждый из нас знает многоство им подобных. Стрел за свое благополучие, за свои личные удобства они прикрывают заурядность, громкими фразами о том, что им, к сожалению, нельзя иметь ребенка, потому что ребенок отнимет у них время, нужное для участия в общественной жизни.

А все-таки попробуем заговорить с Надеждой о ребенке. Все же кажется странное ее хладнокровный отказ от материнства. Вель ей нездорово больше радости женщины! И вообще, по совести говоря, нам кажется, что женщина которую не полюбил, есл она не мать. Вель рожденный женщиной ребенок раскрывает перед ней целые миры!

Может быть, Надежда притворяется? Может быть, тайные она глубоко страдает...

Все это мы высказав вслух.

Надежда молчала, играя кончиком красной туфли в пушистый ваточком.

— И потом, не кажется ли вам, Надежда, что совместная жизнь двух людей все же как-то обесмысленна, есл нет ребенка?

— Зачем говорить о том, что пока невозможна — нездорово воспитывать Надежда. Она восточна с такти. Заговорю о другом: правится ли вам «Ромео и Джульетта» в театре Революции?..

Она подошла к зеркалу и движением сестры красной самки погладила тыль платья на бел-раде...

Дверь притворилась, и соседский подросток вступил овару. Валькованный нос, высокий и статный, одним прыжком очутился возле Надежды и положил ладью на ее плечи.

— Ральф! Тубо! — смеясь закричала Надя. — Какже нежитьи! Посмотри, какой прекрасный зверь! Какже умные галанды... И есл так подлодит и Романи, когда Рома играет с тобой по улице... все обворачивается...

Надежда бросила Ральфу адчик...

ЛЕГЕНДА ОБ УЛЕНШПИГЕЛЕ

Издание „Молодой гвардии“

...Рыбачи суда, полные вооруженных людей, направляются к есл вельским «сезам».
(Иллюстрация худ. А. П. Зусмана).

Эта книга о народном герою Нидерландов (теперешней Бельгии и Голландии), участнике освободительной борьбы нидерландского народа против испанского владычества.

Действие происходит в конце XVI века, во время Нидерландской революции. В результате этой революции часть Нидерландов (Бельгия) обрелась иво испанского короля и стала самостоятельным государством — первым буржуазным государством в Европе.

Тыль Уленшпигель — не историческое лицо: это герой старинных народных сказок, всеелый бродяга, неутомимый проказник. Автор «Легенды об Уленшпигеле» Шарль де Кокстер, бельгийский писатель середины XIX века, сохранил за Тымом те черты, которыми наделяло героя народное творчество.

Уленшпигель в его романе так же, как и в сказках, бродит по стране в поисках заработка, смеется и является над понами и джорнами. Но в этот же Уленшпигель — борей за народную свободу. Он призывает в пламенных песнях к восстанию и сам выступает с оружием в руках. Он хранит на груди пепел своего отца Класса, сожженного испанской инквизицией, и выкладывает два, когда до Тыла доходит весть о новых жестоких поблдителях и об их победах над восставшим народом, он говорит: «Пепел Класса стучит в мое сердце! И Тыла с этой кровью бросается в борьбу.

Эпизод революционной борьбы перемежается замечательными картинками народного быта. Надо знать, что нидерландские города постоянно служили местом ярмарок, праздников, народных увеселений.

Толпы крестьян, ремесленников, купцов, одетых в пестрые костюмы, заполняют улицы городов и дорог странам. Со всех сторон слышны песни, шутки, потешные рассказы. Но среди этой праздничной толпы промелькнут мрачные тени судей и инквизиторов. В дома трудолюбивых ремесленников врываются испанские наемники. Народные всеелые превращаются зрелищными казнями. Наместник испанского короля, «срванный герцог» Дельба, доводит жителей города до разорения. Тогда беспечные и добродушные фламандцы берутся за оружие, становятся героями и совершают подвиги.

Когда испанские войска заводили страну, ртисходатам восстания есла на корабли и начали осадять испанские гарнизоны с моря. Одним из таких морских «сезам» стал Уленшпигель («сезам», т. е. босния, — презрительная кличка, данная испанцами нидерландским повстанцам, которые последние принимали как почетное прозвище). Описаниям привлеченной Уленшпигеля на море и провозглашением независимости Голландии заканчивается книга де Кокстера — одно из лучших произведений мировой литературы.

С. КАРАМОЛЕНКО

...Так они и ехали верхом — нола справа, нола слева...
(Иллюстрация худ. А. П. Зусмана).

Кроссворды

КРОССВОРДА № 3

ГОРИЗОНТАЛЬНО

Engine. Abroad. Every. Fruit. France. Often. Taste. Cruiser. Through. Re. Stern. Birthday. Fee. Yankee. Frog. Stone. Famous. It. Trial. Over(). Treat. No. Am. Duty. Pure. Trade.

ВЕРТИКАЛЬНО

Effect. Fast. Sent. Step. Graduate. Or. Tear. Necessary. Elope. Exc. Avoid. Try. An. Ma. At. Alex. Knoll. By. Strike. Other. Sound. Offer. To. Art. Friend. Due. Under. Trout. In. At. They. Gully.

КРОССВОРДА № 4

ГОРИЗОНТАЛЬНО

Erfolg. Wahrheit. Hoken. Irgend(wo). Ja. Die Liebe. Gut. Erste. Nennen. Knahe. Ek. Armee.

РЕШЕНИЯ

Dann. Not. So. Un. Sah. Meer. Waive. An. Rechnung. Er. Ski. Beinahe. Atmen. Sichel. Eid. Lärm. Zur.

ВЕРТИКАЛЬНО

Erhalten. Rubel. Sorge. Fallen. Ihr. Bei. Schön. Landen. Nachwuchs. Sieger. An. Ein. Ummissig. Angst. Ruhe. Kessel. Rennen. Salz. Rad. Markt. Er. Anbauen. Immer. Tenne. Et. Tiane. Rand.

КТО РЕШИЛ?

Кроссворды № 1 и 2 решены также тт. М. С. Разумовская, З. Арсентьева, Л. М. Смирнов, А. Воложников, Алвердов, Л. Готалб, П. Орлов, Рубежин.

Кроссворды № 3 и № 4 решены тт. В. Леопольдов, А. Гольдман, К. Стрешинская, А. Леопольдов, В. Якимов, Е. Пир, К. Морозова,

Стиль «баттерфлей» (мировой рекордсмен Семен Бойченко).

От «саженок» до «баттерфляя»

Статья заслуженного мастера спорта ПЛАТОНА ИППОЛИТОВА

Одинадцатилетний Джионн Вейсмюллер меньше всего предполагал стать зимним пловцом, когда доктор нашас, что болонскому мальчику нужна физкультура. Врач прописал Джионна в качестве лечебного средства... лавание. Мальчик ходил на реку Пасис в Чнаго. Он плавал, как и все, «по-собачьи».

Зимой Джионн посещал бассейн. Чтобы разнообразить прописанный лечебный массаж, он стал, плавая, подражать стало самхв быстрым пловцов, которых видел в бассейне. Контроля движения чемпионов он мастерски и этой особенностью обратил на себя внимание инструкторов лавания. Его начали тренировать, но ничего путного не получалось из худощавого, высокого подростка, вылом своим заморозивающего утра. Однако как раз пловца с такой фигурой искал Вильям Бахраз, тренер олимпийской команды Советских пловцов. У Бахраза засела в голове мысль привить молодому пловцу лучшие качества мировых чемпионов спортивного лавания.

Для первого раза Бахраз предложил своему ученику проплыть 100 ярдов (91 метр).

— Я пытаюсь проплыть с максимальной скоростью в пять раз большую дистанцию, чем та, к которой я привык, — рассказывает Вейсмюллер про свой дебют. — Мой стиль был ужасен. Я прыгнул в воду и поплыл с высокой поднятой головой. К концу 25 ярдов я совершенно вымотался. Так я получил урок, что в спортивном лавании стил — это все. С тех пор я всегда, строго соблюдал стил, больше следил за своими движениями чем за противниками. Скорость в лавании приходила всегда, когда я соблюдал тонкие стилистические указания своего тренера.

Так говорит выдающийся мировой рекордсмен, первым проплывший 100 метров «королем» меньше чем в 60 секунд.

Плавание — один из самых «стихийских» видов спорта. Здесь буквально техника решает все. Как же развивался стил современных пловцов?

Трудно предположить, чтобы первобытный человек не умел плавать. Вероятнее всего, люди доисторической эпохи так же хорошо плавали, как и лавали по деревьям.

Первым инструктором лавания для человека была лягушка. Ее скачкообразным движением в воде стали подражать. Так постепенно выработался общезвестный стил лавания из груди «а-ля-брас».

В 1875 году капитан Вэбб, 28 лет, впервые

переплыл Ламанш, пролив между берегами Франции и Англии, затратив на проплыв 63 километров из Дура в Кале 22 часа 44 минуты 55,8 секунд. Плыл он «брасом».

В стил «брас» все движения спокойны и ясно очерчены. Пловец лежит на груди, ноги сомкнуты и вытянуты, руки вытянуты вперед. Из этого «исходного положения» руки одновременно гребут в стороны до линии плеч, затем руки идут к подбородку, а ноги принимают положение, как у человека, присевшего на корточки с сомкнутыми пятками и широко разведенными коленками. На счет «три» руки, оставаясь сомкнутыми, выбрасываются в воде

Стиль «краль» (заслуженный мастер спорта Александр Шумин).

вперед, а ноги разбрасываются в стороны и резко сгибаются.

После рекорда Вайба все были уверены, что для сверхдальних проплывов никакой другой стили — «кроль». Но вот в 1926 году американка Гертруда Элерс, первая из женщин, переплыла Атлантику «кролем» и поплавать замечательное время — 14 часов 31 минуту.

Самый молодой стили спортивного плавания — «кроль» — получила жизнь в европейских бассейнах не больше 30 лет назад, а всеобщее признание — лишь после олимпиады 1912 года в Стокгольме.

При плавании «кролем» количество тормозящих движений сводится к минимуму. Плывец лежит на груди. Лицо до уровня бровей погружено в воду, руки делают поочередно гребни, а выгнутые ноги — два удара на каждый гребок.

Техника плавания быстро прогрессирует. Новый рекордсмен вновь «попарно» к стилю, улучшает технику. Новую, более современную технику копируют молодые пловцы, и движения спортсменов получают еще более «обтекаемую» форму. Хронология рекордных достижений расфасована.

Так например Вейсцмолер взял все лучшее из своих предшественников: у Нормана Росса — умение расслабить мышцы и брать старт, у Габри Гребера — искусство поворота, у Луки Казанского, мирового чемпиона, — спиритерское мастерство и на этой базе построил свой стиль.

Что такое Вейсцмолер? Голову нужно держать в воде опущенной до уровня бровей. При выносе руки вперед допускать только незначительный «вал» корпуса: это уменьшает сопротивление воды. Выдыхать в течение одной пятой отрезка времени, нужного для рабочего движения руки к бедру, а выдыхать все остальное время. Плывец должен научиться не только координировать движения, но уметь отдыхать, расслабляя мышцы на доли секунды. Эти основы вейсцмолеровской техники углубила его последователь.

Вот таблица роста мировых рекордов на 100 метров в стиле «кроль»:

Мин. Сек.		
1.05,8	Золтан	Венгрия 1905
1.02,8	Даниельс	Америка 1910
1.02,4	Бреттгаг	Германия 1912
1.01,6	Д. Калхилкоу	Америка 1912
1.01,4	»	» 1918
1.00,4	»	» 1920
58,6	Д. Вейсцмолер	Америка 1922
57,4	»	» 1924
56,8	П. Фик	Америка 1934
56,4	»	» 1936

Техника стила «третий» очень сходна с движениями в «кроле». Работа рук совершенно одинакова, но ноги во время заноса руки делают в воде «попидки». Во время удара другой руки ноги остаются неподвижными или же делают два-три удара как в «кроле». «Третий» — стили более спондиный и медленный чем «кроль», но более быстрый чем «брас», «боб» и «спина».

Между прочим, стили «третий» заимствован у искателя жемчуга с побережья Южной Америки. Люди, для которых пребывание в воде является трудной и изнурительной профессией (искатели жемчуга, рабочие по очистке подвод-

ной части судов от прилипших ракушек и слизняков), владеют высокой техникой плавания.

Казалось бы, что с «брасом» покоем. Этот стили разработанный стал должен уступить место более современным — «кролю» и «третью».

Еще в 1810 году немецкий генерал, основатель первого военного штаба плавания в Праге, да описание стила «брас». Строго следуя законам статической техники, брасисты делали змизми руками в воде. Это сильно снижало скорость.

И вот в «брасе» наступает революция. Когда рекорды в «кроле» стремительно пошли вперед, благодаря пропуску рук по воздуху, американцы решили видоизменить «брас». Они привнесли в «брасе» холодный ход рук по воздуху. Появилась новая разновидность «браса» — «баттерфлай» (летающая бабочка). Американец Хитгис установил техникой бабочки в «брасе» мировой рекорд, проплыл 100 метров на груди в 1 минуту 10,8 секунды, и побил феноменальный рекорд французца Картона — 1 минута 12,4 секунды, результат которого считался техническим пределом в «брасе».

Тут в мировой рекордсменом выступил два комсомолец: красноармеец Семен Бойченко и студент-гидроизобретатель Леонид Мешков. Быстро усвоив новую технику, они по очереди три раза били рекорд Хитгиса. Бойченко в первый раз (в декабре 1935 года) проплыл 100 метров на груди в 1 минуту 08 секунды, Мешков 19 марта того года в подарок X съезду ленинского комсомола дал новый мировой рекорд — 1 минуту 07,4 секунды. Возно через месяц Бойченко финишировал в 1 минуту 06,2 секунды. «Парадной» технике немецкого генерала пришел конец.

Техника «баттерфлай» увеличила рабочее движение рук в воде с четверти окружности до полуокружности. Это вызвало навалили сторонники «классического браса». Пока идет спор: можно ли, плавая «брасом», так выбрасывать руки из воды (в официальных международных правилах точной формулировки на этот счет нет), специалисты уже работают над тем, можно ли в «брасе» изменить также и работу ног...

За помощью обратились к технике «кроля». Сделали «гибридно» возможные движениями двух стила и получили новый стили, названный за сходство движений «человеческий ног

с зигзагообразной работой рыбьего хвоста «дельфин».

Теперь широко совершенствуется техника плавания. Борьба за мировые рекорды — это борьба за знание, более совершенные стили. Непрерывно во всех странах идет исследовательская работа лучших тренеров.

Особенно широко поставлена работа с пловцами в двух странах: Японии и США.

На лондонской олимпиаде 1932 года японцы разгромили американскую команду пловцов, не знаящих до этого не только поразения, но и просто конкуренции. Последний матч между Японией и США произошел в Японии проплыли летом, и снова победа досталась японским пловцам, несмотря на то что в команде Америки был даже премирник Вейсцмолера: Петер Фик и Медина, — которым принадлежат мировые рекорды в плавании «кролем».

В Японии даже дети проходят несколько раз в неделю испытание на дистанции 1500 метров.

Тренировка на выносливость повышает скорость. Так например Лиан Америкен отмечает, что под ее наблюдением шведка Улла Эрикссон за несколько недель улучшила время на 100 метров с 1 минуты 22 секунды до 1 минуты 15,8 секунды.

Для «отработки» стила тренеры заставляют пловца изучать движение руками и ногами отдельно. Пловцам связывают ноги, когда нужно работать одними руками, дают в руки удочки, когда следует плыть с помощью одних ног. Некоторые пловцы достигают виртуозности в работе отдельными конечностями. Американец Лауфер ухитрился плыть одними ногами 50 метров в 34 секунды. «Тренировкой докой» — наиболее простым приспособлением для холодного хода рук — пользуются сейчас во всех бассейнах и школах плавания. Отделка стила требует сейчас высокого мастерства и от тренера и от пловца.

Наши чемпионы: Бойченко, Соколова, Борисов, Шукин, Асепина, Мешков, Голубев — замечательные пловцы международного класса. Советские «вейсцмолеры» ждут своего старта. Но нам нужно еще многому научиться у американцев и японских пловцов, чтобы, не прерывая учебную работу, воспитанная в каждом мастере культуру тренинга, анализировав все тонкости стила, завоевать и в этой области первое место в мире.

Стили «брас» (одна из чемпионок в этом стили, Антонина Колосова)

Камчатка «СМЕНЬ»

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА

1 июля 1858 года считается началом переломной в современном естествознании. В этот день в Лондоне, на заседании Английского общества, двое выдающихся ученых, Чарльз Лайель и Дювернуа Гювер, выступили в защиту теории Дарвина.

Гол спуста вымела в свет знаменитая работа Чарльза Дарвина

Чарльз Дарвин.

«Присхождение видов путем естественного отбора или сохранения избранных пород в борьбе за жизнь», над которой Дарвин работал около 20 лет.

Дарвин доказывал, что мир животных и растений не всегда был таким, каковы мы видим его в настоящее время.

Органический мир непрерывно

изменялся, поднимаясь на все более высокие ступени развития. На основе борьбы за существование и естественного отбора повышалась целесообразность строения того или иного животного организма, когда вид давал начало другим, новым видам вытесняя старые и т. д. На один вид не знавала тогда порою сотни или тысячи человек на протяжении жизни, как: книга Дарвина.

В речи на могиле Маркса Энгельс указал, что Маркс открыл закон развития человеческого общества, так же как Дарвин открыл закон развития органической природы.

Дарвинизм исключает всякую мистику в объяснении эволюционных явлений. Вот почему его учение подвергалось жестокой критике со стороны буржуазных ученых и проповедников.

В СССР предпринято новое научное издание работ Дарвина. Недавно вышел том I его сочинений, который содержит первую большую работу Дарвина «Исторические натуралисты вокруг света на корабле «Бигль». В печати находится том II — зоологические и геологические результаты путешествия и работа о дождевых червях.

В этом же году выйдет том III, содержащий «Происхождение видов», страница из «Знаписки Чарльза Дарвина» (1837 год), протоколы знаменитого Английского общества и другие материалы.

ОТКРЫТИЕ НАМЧАТКИ

Во второй половине XVI века, при царе Иване Грозном, началось захват и покорение Сибири. Московское государство расширяло свои территории за счет чужих земель и обсаждало их — дально — сибирские народы.

С первых же дней завоевания Сибири туда начали переселяться казаки. Постепенно, подая закладу, завоевывали они обширные земли, строили укрепления и теснили местных жителей к востоку. Так, кто оставался, превращаясь в рабов и обсаждала дально.

В 1696 году казак Владимир Атласов получил приказ от якутского воеводы — отправиться с вооруженным отрядом на «разведывательные экспедиции». 13 июля 1697 г. о. д. после почти голодного труднейшего пути, Атласов прибыл в Камчатку.

Население Камчатки: корейки, чучки, замчадалы, — неизвестные с огнестрельным оружием, были бы попорены приходами. Атласов с казаками замчадалов, промыв и набравших людей побояли и посади их в выгнание, как сообщается в дописании сибирских воевод.

Сборз богатую дань собаками, лисицами и бобрами, Атласов отправился в Москву.

Спустя 200 лет докладывало самодержавию на Камчатке, Грабо-

ли, разорение, убийства, эпидемические болезни, занесенные колонизаторами, привели и обсаждению и вымиранию некогда многочисленных аборигенов¹ страны.

В 1922 году на Камчатке были окончательно ликвидированы боевые банды, для Камчатки наступила Октябрь. Начинаясь неуказанный рост и расцвет Камчатского края. Камчатка обладает неисчислимыми богатствами: здесь огромные запасы рыбы, морского улова (веток, морской, тюленей), пушнина (лихонок, соболь, песцов, червоуры, лисицы), а также золота, угля, торфа, нефти.

Сейчас это край передовой промышленности. Никогда не знавшая производства, Камчатка значительнее теперь сильнее и всемирных заводов, не считая плавучих Камчатка — основной поставщик соболя в СССР.

На Камчатке появились школы, больницы, амбулатории, культурные пункты, библиотеки. В поселках горит электричество, говорят радио.

Ранне забитые замчадалы, корейки, чучки, амурцы постепенно уступают равнение с другими многочисленными народами СССР в великой стройке коммунистического общества.

¹ Аборигены — корейские жители.

Томас Мор

7 июля 1535 года в Тотаре (Лондонская тюрьма) был казнен первый коммунист-утопист Томас Мор.

Последние годы своей жизни Мор был министром английского короля Генриха VIII. За несоциальные реформации¹ он был приговорен к уездской казни, замененной королем выдвиг «клятвоотсечением голом».

400 лет назад Мор написал замечательную книгу о социальной стране, где царит коммунизм. Книга эта называлась «Утопия» или «Золотая земля» о лучшем устройстве государства и новом обществе Утопии. В диалоге с моральцем Рафаэлем Гиталдем Мор рассказывает о том, как управляется эта страна и как в ней живут люди. В Утопии все равно, но все обязан трудиться. Только труженники достойны быть членами человеческого общества.

Но Мор не верил в борьбу народных масс. Он боялся этой борь-

¹ Реформации — социальное-экономические движения XVI века, которые были объектом в форме религиозной борьбы против католической церкви. При существовании была борьба между буржуазными классами со старыми феодальными обществами.

14 ИЮЛЯ 1789 ГОДА

Народ двинулся на уацне Сен-Антуана в акаду в крепость. Предатель-командант приказал развернуть знамя мира. Тогда доверчивые преданцы к крепости, по тогдашней аристократической акаду свалили множество людей. Ярость народа дошла до крайних пределов: толпы приступили к приваиванию осад. Толпы не обрадова а вниманию ни на опасность, ни на смерть. Лишние обсаждали посылную помощь, даже если после выстрела из крепости бросались поднимать пули и выстрелы.

Обстрел продолжался. Даря, падая с проломом на подвешенный мост, уже разбитый одну из поддерживающих его колонн; осаждавшие заметили, что может случиться и, отчаявшись в своем спасении, спустили малый подвешенный мост. Грозидо бросился к крепости и требует открыть последнюю дверь. Осаждающие хотят войти, но осаждающие все еще ацирируются. Тогда убавают асиг, кто может войти в крепость, асаду делают лестницы, берут палинки, проинаят всаду. Один асадузавязывает сторожевые посты, другие вбегают на башни. При руко-

Томас Мор (с портрета худ. Гюльбаина XVI в.).

бы, Мор говорил: «Все для народа, но не через народ».

«Утопия» оказала огромное влияние на развитие социалистической мысли следующего поколения. «Энциклопедисты» Мора придалеки широкому рабочему классу и в первую очередь — Советскому союзу, который под руководством великого Сталина строит первое классическое общество коммунизма.

палачей и крыше восторга громадной толпы они поднимают священное знамя родины.

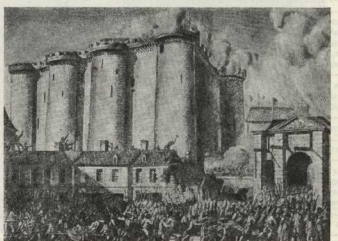
Так описывала востиге Бастилии газета «Парижские революции» № 1 за 1789 год.

Это была первая победа молодой буржуазии, которая вела за собой народные массы на беспощадную борьбу с монархией и средневеком.

Старый порядок во Франции разлагался. Недовольство ширилось и захватывало все новые слои населения.

Старая власть тормозила националистическое развитие страны и не допускала буржуазии к управлению.

Героический французский народ сбросил власть короля. И хотя народные массы ничего не получали в результате французской национальной революции, но сла своего класса, для которого она работала, ала буржуазии, она (французская революция — Реф.) сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, пролегла под знаком Французской революции (Ленин. Т. XXIV, стр. 304).

Востиге Бастилии (с травировки той эпохи).

На Москва-реке

ЗАКОНЧЕН ПРОИЗВОДСТВОМ И ВЫПУСКАЕТСЯ НА ЭКРАНЫ СОЮЗА

НОВЫЙ ЗВУКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

(Путешествие вокруг света) по Жюль Верну

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Сценарий—О. Леонидов. Режиссер—В. Вайнгук.
Сорежиссер—Д. Гутман. Директор производства—
Л. Иаценбом. Композитор—И. Дунаевский. Глав-
ный оператор—заслуженный артист республики—
А. Кавардацкий. Оператор—О. Фрадкин. Звукоре-
жиссер—В. Лецев. Художник—Б. Балазовек.

Капитан Грант—народный артист республики Ю. М. Юрьев. Мари Грант—
О. Базанова. Роберт Грант—Я. Сегаев. Елена Гленарван—М. Стрелкова. Эду-
ард Гашарван—Н. Витовтов. Язак Патангаль, профессор.—Н. Черкасов. Айртон,
боцман,—заслуженный артист республики И. Чукаев. Патангону Галлава—
Н. Алесунт. Мак-Найс, майор.—А. Гутман. Дюон Митгабс, капитан.—М. Ро-
манов. Хозяин таверны—Н. Мичурин.

Левандзон

